

18+

СТЕЗЯ ЄРСАКА

ОХОТНИЧЬИ УГОДЬЯ

Є. ПОНТИЙ ЛЕВА

Е. Лева Стезя Ерсак. Охотничьи уголья

<https://litres.ru/74225532>

ISBN 9785007038874

Аннотация

Новая жизнь началась с кровавой клятвы и полной потери памяти. Ерсак по прозвищу Бес не знает ни прошлого, ни своего долга, ни того, почему его ненавидят даже те, кто должен быть союзниками. Рыжая Агнеша, когда-то считавшая его погибшим, не верит в чудеса — но именно она становится его единственной нитью к правде. Вместе им предстоит выследить чудовище, пережившее само время, и понять: иногда самая опасная охота — это охота на собственное «я».

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава I	5
Глава II	43
Глава III	83
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Стезя Ерсака. Охотничьи угодыя

Е. Понтий Лева

© Е. Понтий Лева, 2026

ISBN 978-5-0070-3887-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

— Сука! Сука! Твою мать! — орала Рыжая во всю глотку, — ты когда живых штопал в последний раз! Сука!

Везнич едва сдерживался, чтобы не пустить ей эту иглу по вене, лишь бы она перестала орать на него и биться в истерике. Скрипя зубами, он снова и снова продевал прокаленную колдовским огнем иглку в кожу, скрепляя тонкой нитью концы рваной раны. Нож, который он воткнул в нее, к удаче для всех, то ли соскользнул, то ли у него не хватило мужества и та самая человеческая часть его прошлого отвела от беды, просто вспорол ей мышцы под ребрами, едва ли задев хоть что-то дальше них.

— Потерпи еще немного, прошу, — прошипел он и снова запустил иглу внутрь кожи.

Кровь пузырилась и сразу сворачивалась, от того что он продолжал калить иглу.

— Хватит! Прекрати колдовать! — Рыжая со всей силы сжала голову руками, стараясь проломить виски и добраться чернеющими от грязи и крови ногтями до мозга, — Сука, хватит!

Жмур прищурился, недоверчиво поглядывая на ее страдания, но колдовать не остановился. Он видел, что Лесик страдает таким недугом, но ему, почему-то казалось что это какое-то редкое исключение из правил, ежели обыденность.

Не так часто встретишь людей, в мире, полном колдовства, которых от него воротит. А тут сразу двое, за такой короткий срок его новой жизни.

Он сделал последний стежок и завел нитку в петлю, нырнул в нее иглой и наклонился, чтобы перекусить зубами. Кожу Агнеши обожгло горячее дыхание Везнича, она испуганно вздрогнула и бок покрылся мурашками. Пока он отгрызал нитку, ему даже показалось, что Рыжая прекратила дышать или умерла, от того что его «поганный колдовской рот», как она выразилась еще раньше, оказался так близко к ней.

Нитка щелкнула, неприятно скользнув по зубам, из-за чего Везнич поморщился и облизнулся, попытавшись унять возникшее ощущение.

— Все! — отодвинулся он от нее и устало вздохнул, руки были чуть ли не по локоть заляпаны кровью и мелко дрожали, едва ли удерживая иглу, так и норовящую выскользнуть.

Рыжая блаженно прикрыла глаза и тяжело дышала. Грудь ее мерно вздымалась и изредка подрагивала, когда дыхание сбивалось, сменяясь сухим кашлем.

Рубаха была задрана до груди, немного приоткрывая глазам заветное. Везнич не заметил, как начал откровенно пялиться. Кровавые отпечатки его рук, на ее худой талии, следы пальцев на торчащих ребрах и тазовых костях, которые немного выглядывали из-под подогнутых штанов.

Он сглотнул ком, вставший в горле и сжал кулаки, стараясь не потерять иглу, которая, вероятно, им еще понадо-

биться. На ладонях возникло остаточное ощущение прикосновений к ее коже. Такое особое. Томительное. Будто сильно пряная брага, мутнящая рассудок. Шелковистая, мягкая кожа, под ребрами с левой стороны и у самого пупка покрытая кривыми, плохо сросшимися рубцами. Скоро ей придется носить на себе еще один.

Стало даже как-то обидно, что он не мастер лекарского дела. Захотелось сделать шов настолько аккуратным и незаметным, несколько это возможно, лишь бы лишний раз не уродовать это произведения искусства. Стало жарко.

— К-как тебя з-зовут? — едва смог выдавить из себя Жмур, удивившись своему же голосу, который звучал так, будто только начал ломаться.

Рыжая медленно приоткрыла глаза, так лениво, будто ее разбудили в ее отсыпной. Сощурилась, словно кошка на солнце, и выдала настолько придурковатое выражение лица, на сколько это было возможно.

— Че?

Жмур тут же принял максимально виноватый вид, и, съжив голову в плечи, переспросил:

— Как тебя зо-зо-зовут?

— Чего ты как ворона? Думаешь если повторить, легче станет?! — Рыжая выглядела уже больше злой, чем ошеломленной. Захотела приподняться, оперлась на кулаки, и повалилась обратно со стоном. — Я бы тебя убила сейчас. Если бы могла. Ты чего мелешь?

— Я память потерял... — он задумчиво почесал щетину, которая уже неприлично отросла и стала походить на бороду, грязную и сильно спутавшуюся, — совсем...

— Совсем? Прямо ничего?...

Она выглядела одураченной, сводила брови на переносице, морщила веснушчатый нос и выглядела в общем как-то глупо и мило одновременно. Жмур успел подумать, что никогда не видел женщин и девушек прекрасней, за все те три седмицы, что он снова был жив, как Рыжая издала отнюдь не женственный звук и смачно харкнула через плечо. Утерла краем рукава рот и посмотрела на него с такой претензией, будто он ей что-то должен.

— Давай ты не будешь тут дурить... Если ты врешь, разыгрываешь меня, и думаешь что ты охренеть какой смешной, я тебе все волосы выдеру... На жопе... Это не смешно, понимаешь?

— Клянусь...

— Ой! Тоже мне! Твои клятвы стоят как говна лопата! — отмахнулась от него Рыжая и болезненно застонала, потревожив вспоротый бок. — Меня... Ух... Меня знаешь больше что интересует... Ой сука... Мы, во-первых, вообще где, во-вторых, почему ты пытался меня убить, и в-в-третьих... Ай! — Она хотела схватиться рукой за бок, но вовремя передумала и одернула руку, чтобы не сделать хуже, — в-третьих... Почему ты не хочешь убить меня сейчас.

Жмур сначала недогоняя смотрел на ее, будто потеряв-

шишь где-то в мыслях, потом тяжело вздохнул, потер глаза до скрипу и наконец начал говорить:

— Первое это точно хер знает, я вообще ничего не помню, и не узнаю... А вот второе.. Ну...

— Ну...

— Ну меня отловили какие-то твари и заставили принести клятву, что я уничтожу источник... — Он отодвинул ворот рубахи и глянул внутрь.

— Символы? — предугадала Рыжая.

— Уже нету... — Везнич нахмурился, — было да, а откуда ты?..

— Потом. Все потом. Рассказывай ты сначала, — Рыжая утвердительно кивнула и прикрыла глаза, ожидая его рассказа.

— Почему теперь не хочу — не знаю. Правда. И на счет памяти правда. Хочешь верь, хочешь не верь, — он огляделся по сторонам. Лес. Хвойный. Снега еще не было, но воздух ощущался явно холоднее, да и верхушки сосен шатались больно сильно. Ветрено. Они явно севернее тех мест, где он успел побывать. — Мы где-то на севере...

— Это я и без тебя поняла, умник, — Рыжая недовольно закатила глаза, — а откуда ты взялся то? Я думала ты...

— Мертв? Не ты первая мне так говоришь. Был еще этот... Венке, кажется?

— Венке?! Ты был в Щебицах? И хозяйки тебя не убили?!

— Как видишь... Я сказал им тоже, что и тебе.

Агнеша нахмуривать, будто обдумывая услышанное.

— Лесик нашел меня возле погорелого леса. Пожил в приюте с ним, потом шли в Щебицы, оттуда к Княжне. Венке сказал искать тебя можно там. Потом где-то еще были, не помню названия, а там в горы. Ну и вот.

— Венке значит... — Рыжая задрала голову и стала задумчиво облизывать десны, будто пытаюсь что-то выковырять из зубов. Резко выпучила глаза, будто вспомнив или осознав что-то и схватила руками за голову, — Ай!

— Что? Что? — Везнич сразу же придвинулся ближе, и стал беспомощно махать руками, не зная за что хвататься и чем помочь, — рана?

— Не-е-е-т... — простонала Агнеша в ответ, — просто вспомнила...

Везнич облегченно вздохнул и снова отодвинулся от нее, стараясь не нарушать хоть какую-то мнимую дистанцию. Он еще пока не понимал, как ему следует себя с ней вести, и Рыжая не давала ему никаких понятных намеков.

— Послушай. То что я тебе сейчас расскажу будет звучать довольно странно и дико, но это все чистой воды правда. Ты умер... Или мы так думали, после распада училища. Когда нас пленили. Когда я узнала об этом, случилось... Э-э-э. Даже не знаю как тебе сказать.

— Желательно прямо.

— Не ерничай. В общем у меня есть... была, такая особенность. Что когда я колдую, пытаюсь, по крайней мере, про-

исходит взрыв. И почти всегда неконтролируемый. В общем тогда... Тогда... — было видно, что ей больно вспоминать, на глаза выступили крупницы слез и Рыжая зажмурилась, — Ты умер и я все расхерачила...

Жмур вспомнил остатки деревни и котлован, который показывал ему Венке. Это оно, точно оно. Иначе и быть не могло.

— Но это было давно. Очень давно. А потом мы с... С... Сука... У меня походу все умерли, кого ни вспомнишь... — Рыжая тяжело вздохнула и утерла нос рукой, — в общем с Казимирой и Вуком занимались одним дельцем, по уничтожению твари которая засела в том самом погорелом лесу. Погорелым он еще тогда не был, конечно же.

— Ты?..

— А ты догадливый, — она улыбнулась уголками губ вниз, будто оценивая его слова, — в общем той тварью оказался ты и боги... Я все это время не помнила этого! Какая глупость! Я думала мы просто убили тварь моим взрывом и все! А теперь... теперь я вспомнила. Я увидела в той... нечисти... твои глаза, твою душу, что вижу теперь, и все поняла.

Везнич молчал, неловко пялился на нее и закусывал кожу с пальцев.

— Какая нелепость, — она тяжело вздохнула и воздела руки к небу, — я вообще тогда на авось понадеялась, что прокатит. Если ты исчез в моем огне, то в нем и возродишься... и, оно так и вышло? Вроде как...

Она оценивающе посмотрела на него с ног до головы. Одет как-то вычурно, явно дорого и по-княжески, но все так же нелепо. Что-то где-то торчит, местами подрано, а кушак и вовсе завязан криво и держится каким-то чудом. Неужоженная борода, местами с проплешинами и запутавшейся грязью и кровью. Торчащие ежиком волосы, явно сальные и пахнущие костром и потом, брови, прореженные белесым шрамом, кривоватый нос, не раз поломанный за годы жизни, вечно ухмыляющийся оскал и... глаза... такие же голубые, отдающие какой-то зеленоватой водной лазурью.

— Агнеша. Рыжая.

— Что?

— Меня зовут... Агнеша. Помоги подняться. Нужно идти.

— Куда? Ты знаешь куда? — он уже успел вскочить на ноги и протягивал ей руку.

— Ну куда-нибудь где люди. Там уж разберемся. Не думаю что нас закинуло далеко от останков человечности, — она приняла его ладонь, прикосновение жестких, грубых мозолей и рваных ссадин обожгло кожу, — помоги...

Второй рукой он поддел ее под подмышку и стал медленно поднимать на руки. Агнеша скорчила гримасу боли и скрипнула зубами. Не смертельно, но все таки приятного мало.

Она одернула рубаху и перекинула кушак через плечо, чтобы не потерять. Везнич поднял ее поясные сумки, за которыми она уже хотела потянуться, и пристегнул их себе.

— Меч. Дай мне...

— Тебе будет больно...

— Дай меч. — Она злобно глянула на него исподлобья, как бы намекая, что выбор у него либо дать ей меч по-добру, либо она его насильно заберет.

Он аккуратно пристегнул ей ножны на пояс, стараясь опустить их как можно ниже, чтобы ремень висел не на талии, а на тазовых костях.

Агнеша свесила ему руку на плечо, он хотел подобрать ее под талию, но вовремя спохватился, что если возьмет ее с одной стороны, то схватится за рану, а если с другой, то прижмет ее рваный бок к своему.

— Как мне?..

— Никак. Сама пойду. За руку подтягивай просто, чтобы не сползала.

Агнеша с тяжелым вздохом уронила голову на грудь, и вдруг замерла.

— Ты чего? — взволнованно спросил Везнич, наклоняясь к ней.

— Подними, — она вяло указала пальцем куда-то на землю.

Крохотный осколок чего-то робко поблескивал в темноте, отливая каким-то зеленоватым оттенком с примесью перламутра.

Везнич опер ее руку на ствол рядом стоящего дерева, а сам согнулся вдвое, чтобы достать до вещицы.

В ладони засверкал крохотный кусочек чего-то, напоминающий рыбку чешуйку. Полупрозрачный, он отражал от себя редкие лучики света и изумительно искрился. Везнич преподнес осколок к лицу Агнеши. Та, по-началу, сощурилась, разглядывая объект, а потом ошарашено выпучила глаза.

— Твоя мать... Я знаю... Я знаю что это такое... — она удивленно выдохнула и лицо ее исказилось сразу несколькими эмоциями. — Это разрушитель клятв... Твою же!

Она выхватила свободной рукой зеленый кусочек и подняла его вверх, пытаясь подставить его под свет и рассмотреть получше.

— Знаешь? Знаешь что это? — она удивленно уставилась на Везнича, трясая перед ним осколком. — Это сука такая редкая вещь, ты представить себе не можешь! Ты поди за всю жизнь не слышал о такой штуке!

Везнич смущенно провел рукой по шее и неуверенно пожал плечами, он и вправду не знал о такой вещи, тем более за такой короткий срок его жизни.

— Это чешуйка какой-то древней твари! Они уже давно вымерли все, или испарились, хер его знает, но чешуйки! Они обладают свойством разрушать клятвы! Ох ты ж Клещ... Сукин сын...

— Клещ?

— Ну этот. Со мной был там, в подземелье, видел его?

Везнич мотнул головой, он вообще слабо помнил все, что

происходило после принесения клятвы. Будто глаза затмило какой-то кровавой пеленой.

— Это его штука, я тебе говорю. Твою мать... Эта, — она снова потрясла чешуйкой в воздухе, — штука стоит больше чем жизни всех князей, вместе взятых, сечешь?

— И он... на меня? — Везнич сглотнул, чувствуя как на голову и плечи ему сваливается огромный пожизненный долг.

— Да не, — она махнула рукой и протянула ему чешуйку. — Она многоразовая. Вроде бы. Ну такие слухи ходят. Убери к себе лучше.

Везнич дрожащими руками принял от нее осколок и аккуратно убрал его себе в карман, едва ли не выронив по пути.

Агнеша закатила глаза, а потом довольно улыбнулась.

— Знаешь, какая ему сейчас жопа? Самая огромная, какую только можно встретить. Эта штука ему явно нужна была не для тебя. Ох-хо-хо... Сука... Он себе там вены перегрыз уже наверное с горя! Надо найти его. Точно. И вернуть.

Везнич подумал, что, наверное, лучше было бы наоборот спрятаться и никогда с ним не встречаться, а то вдруг еще выяснится, что чешуйку можно использовать только один раз. Не хотелось бы...

Он молча кивнул, нырнул ей под руку и они побрели куда-то. Сложно было даже сказать, в какую сторону света, потому что за кронами сосен и елей едва ли было видно осколки неба, говорившие о том, что все еще день.

Ноги едва слушались, Агнеша сжимала зубы до боли в черепе и вымаливала богов на каждый новый шаг. Ощущалось как-то совсем нехорошо, и, кажется, началась лихорадка. На пояснице и подмышками стали скапливаться холодные капельки пота, а живот сводило от желания опорожнить желудок и вылить из себя всю желчь.

— Ты вообще... Ничего не помнишь?

Везнич мотнул головой. Голова так и не прояснилась, ни с появлением знакомых персонажей в его жизни, ни с ударами по макушке. Ничего. Только какие-то мутные кошмары, которые он все никак не мог запомнить и понять, кошмары ли они вообще. Но после них дышалось тяжело и воняло от него как от лошади.

— Даже... Даже как ты меня?

— Тебя что? — не задумываясь переспросил Везнич.

Агнеша недобро глянула на него снизу вверх, прищурилась, а затем снова уронила голову на грудь, продолжая смотреть себе под ноги.

— Ничего. Забудь. — Она не немного помолчала, наблюдая за тем как хрустят и ворочаются иголки и шишки под ногами, — наших совсем мало осталось... И так всех поубивали кого могли, а теперь еще и эта... зараза. Надо будет найти их.

— Их? — он сразу понял, о чем идет речь, но на всякий случай решил переспросить.

— Этих тварей, которые за мной охоту устроили. И же-

лательно поубавить им желания этим заниматься, — она вопросительно глянула на него, будто бы ожидая подтверждения своих слов.

— Сделаем. Все сделаем. Только вот...

— Что?

— Мне бы в первую очередь Лесика найти...

— Да кто этот Лесик, а? Не в первый раз слышу уже.

— Друг. Брат. — Везнич не сомневался ни в едином слове на этот счет, — единственный, кто у меня есть. Был. Когда я вновь стал живым.

Он подумал, что Агнеша сейчас снова поднимет голову и посмотрит на него, как на придурка, но она молчала, наблюдая за своими неуверенными шагами.

— А я? — тихо, он бы мог сказать что это даже были ее мысли, которые он не должен был слышать.

— А тебя я знаю не больше одного дня...

— А я тебя... лет десять....

Он не нашелся что ответить. Это правда, он чувствовал ужасное притяжение к этой девушке, появившееся из ниоткуда. Правда, что он чувствовал себя рядом с ней так, будто наконец оказался дома. Но он ее не знал. Не помнил. Даже был не уверен, можно ли ей доверять, не говоря об остальном.

Дальше шли молча. Раньше он думал, что когда найдет Рыжую, то задаст тысячу вопросов о своем прошлом и о себе, а сейчас... Язык не давался и слова все никак не выхо-

дили из глотки. Он пару раз даже осмеливался открыть рот, желая что-то спросить, но, не находясь слов, снова закрывал его.

Иногда они останавливались, чтобы сделать передышку. Агнеша все отнекивалась, что может продолжать, но он чувствовал, как ускоряется темп биения ее сердца и тяжелеет дыхание. Как назло у них даже не оказалось воды с собой, что уж говорить о себе. Стало до ужаса обидно, что он успел освоиться в колдовстве только с огнем. Он мог попытаться выдавить из себя хоть пару капель, но побоялся, что своими попытками, или же заколдованной водой, может травмировать Агнешу.

— Надо будет тебя к Толстому свозить, — вдруг ни с того ни с сего начала она, — ты там со смеху обоссешься, какой важной шишкой он стал! Ходит такой, бородой ворочает, а башка то лысая-лысая! Он бы тебе был рад... Я думаю...

На душе стало тепло от ее слов. Кто-то где-то был бы рад ему. И неважно, что Везнич его не помнил и не знал, как он с ним связан, но было приятно. Какое-то место и значимость он в этом мире имеет.

По-тихоньку стало темнеть. До этого и так было не очень уж солнечно, но сейчас стало совсем худо. Видимость сузилась до длины носа. Агнеша шурилась, пытаясь разглядеть проблески конца впереди, а Везнич боязливо оглядывался по сторонам. Все таки лес. Мало ли, какая дрянь тут водится.

— Ты не ссы, — Агнеша заметила его нервозность и по-

хлопала по плечу, — у меня с нечистками своя договоренность. Они меня трогать не будут. И тебя. Смотреть только.

— Это как оно?

— А тебе все Расскажи, да покажи. Не умирал бы, может и знал, — он довольно хмыкнула и щелкнула его по носу.

— А с волками, медведями у тебя договоренности нет, случайно?

— Ну это уж как-нибудь разберемся... Все таки животину замочить легче, чем какую-нибудь тварь. Да и вряд ли они к нам сунутся. Еще ж не зима пока, не проголодь.

Везнич только сейчас задумался о том, что и вправду все еще было начало осени. Со всем этим снегом в горах он уже мысленно потерялся во времени и совсем забыл, что скоро должно стрельнуть бабье лето и начнется последняя осенняя жара. Стало даже как-то хорошо от мысли, что холода пока еще не совсем наступают на пятки.

— Я знаю что ты не любишь зиму, — тут же, будто прочитав его мысли подметила Агнеша. — Как и я. Это из-за меня. А у меня из-за тебя.

— А что было? — осмелился полюбопытствовать он.

Агнеша немного помедлила, прежде чем отвечать, а потом неожиданно резко огрызнулась.

— А ничего. Меньше знаешь, крепче спишь.

Она начинала его раздражать. Сложно ей что ли рассказать хоть что-нибудь. Все секреты да секреты какие-то. Чушь собачья. Если она так все время общается, то вообще непо-

нятно, как ее можно любить и проводить с ней все время.

— Потом расскажу. Будет время, все расскажу. Не сейчас только. И так тяжело.

Он почувствовал как напрягся ее голос, последние слова вообще были похожи на что-то на грани плача. Стало даже как-то стыдно за мысли. Вдруг она и правда имела весомые причины что-то скрывать, может даже и для его блага. Что-то же она ему рассказывает.

В ночи было идти бессмысленно. Даже ориентиров визуально не установить, так и будут бродить по кругу, как блуждающие. Присели к дереву, Везнич стал собирать сухие веточки и шишки в кучу, желая развести костер.

— А подпаливать чем будешь? — поинтересовалась Агнеша, которая сидела прислонившись к стволу, полулежа, придерживая свой бок.

— Как чем...

— Колдовством? — она недовольно цокнула, — это ты зря. Я скорее помру, чем переживу в таком состоянии розжиг костра.

— А как?..

Агнеша пожала плечами, лицо ее было абсолютно беспечное, будто ей было плевать, что во сне ими могут поживиться какие-нибудь лесные живности.

— Ну давай я тогда отойду и, там что ли разведу. А потом тебя приведу? Так пойдет?

Агнеша покрутила рукой в воздухе. Толку от его действий

было очень уж мало, у нее чуйка на колдовство была ужасно сильная и пришлось бы отходить слишком далеко, чтобы ее не задело. А тут и потеряться не случай. Как-то уж слишком темно было.

Везнич стал отходить в лес, все время оборачиваясь, как бы проверяя, не потерял ли он спутницу. Живот урчал нестерпимо. На мгновение ему даже подумалось, что он был бы не прочь сожрать Рыжую, до того сильно скрутило желудок, но он тут же отбросил эти странные мысли.

Отойдя достаточно, по его мнению, Везнич присел к земле и стал складывать собранное в подобие домика. По спине ползли неприятные мурашки, мало того что лес хвойный, темный и нечисти тут столько, сколько нигде не сыщешь, дак еще и Агнеша не очень-то дееспособная.

Агнеша в это время перевернулась на живот, с усилием воли встала на карачки и побрела на четвереньках куда-то в сторону. Оказалось, что по-собачьи передвигаться попроще, чем на двух ногах. Подползя к осине, она, постанывая от изнеможения, все таки поднялась на ноги и стала обламывать с нее ветки.

— Ты чего? — Везнич подкрался незаметно и застал ее врасплох, от чего Рыжая едва заметно вздрогнула.

— Как чего? Осину обдираю, не видишь?

— Это-то я вижу, а нахера?

Агнеша недовольно поморщилась, давно ей не приходилось выступать в роли справочника или путеводителя.

— Колышек настрогаем и воткнем возле нас. И спать я с ней буду.

— Зачем?

— Надо. Убережет может отчего. Я, конечно, верю в свои способности, но все равно место не хорошее.

Везнич пожал плечами и перехватил Агнешу под руку, помогая ей доковылять до костерка. Крохотное пламя жалобно покачивалось из стороны в сторону, но затухать не собиралось, несмотря на усиливающийся ветер.

Он усадил Агнешу к дереву, помогая ей прислониться спиной к стволу а сам сел напротив.

— Чего уполз? — Как бы невзначай спросила она, вынимая нож из голенища сапога и приступая к работе.

— А?

Агнеша качнула головой в сторону, как бы приглашая его сесть рядом.

— Ночью холодно будет. Да и поближе безопаснее.

Везнич сначала засомневался, стоит ли ему принимать такое радушие, но заслышав где-то в высоте вой ветра сразу отбросил противоречащие мысли.

Стало тепло. Агнеша прислонилась к нему боком и положила голову на плечо, искоса наблюдая за тем как разлетается стружка от веток. Мгновение он наблюдал за ней, а потом сам потянулся за деревом.

— Не надо. — Остановила она его, ласково перехватил руку. — У меня лучше будет. Поверь.

Везнич хотел возразить, но потом решил, что это очередная тайна, которую знать ему не положено и сел смирно, наблюдая за тлением костерка.

Когда Агнеша закончила, он послушно повтыкал колышки по кругу, а затем помог ей сунуть маленький кусочек древесины под рубаху, поближе к ране.

— Чтоб заразы не было. А то гнойника нам еще не хватало.

Везнич молча кивнул, приобнял Агнешу за плечо и уткнулся ей подбородком в макушку. От нее вкусно пахло. Пока он поглядывал в темноту, пытаясь заранее почувствовать приближающуюся опасность, Агнеша успела задремать. Дыхание выровнялось, стало медленным, едва ощутимым и только лишь слабое посапывание давало знать, что она все еще жива.

Когда совсем стемнело и верхушки сосен сравнялись с чернотой ночного неба, стало и вправду холодно. Агнеша поджимала ноги, старалась скукожиться как можно сильнее, но все время вздрагивала, затронув рану, и оставляла попытки.

Сон не шел. Везнич достал из кармана крохотную чешуйку и стал разглядывать ее на фоне пляшущего пламени. Изумительная вещица, такая маленькая, а глаз радует будто чудо какое. Была б его воля, он бы себе ее на шею повесил как-нибудь и никогда не отпускал. Какое-то колдовское ощущение тепла и спокойствия от нее исходило.

Поигравшись еще немного с разноцветными бликами, которые отражала от себя чешуйка, он уже собирался убрать ее в карман, как почувствовал странный запах. Травы. Очень сильно пахнуло незнакомыми травами. Свежо, мятно, будто в доме у знахарки какой, а не пряностями на кухне.

Он тут же сунул чешуйку быстрее в карман и ухватился за рукоять ножа, который единственный остался у него из оружия. На нем все еще были остатки засохшей крови Агнеши, но вымыть его пока было нечем и негде.

Холодное лезвие коснулось раньше, чем он успел хоть что-то предпринять. А судя по тому, что он не слышал шагов, а за спиной был ствол дерева, то это было какое-то подобие копья и враг держал приличную дистанцию. Кончик уткнулся в шею и ощутимо провернулся, видимо проверяли, в мясо попали или мимо. Вена под кожей ощутимо запульсировала и вздулась.

Он опустил глаза на Рыжую, единственное движение, которое он мог позволить себе в этой ситуации. Агнеша уже сверлила его огоньками серых, почти бесцветных глаз. Чуйка выдержанная опытом, что может быть лучше.

Она медленно прикоснулась пальцем к губам и потянулась ладонью к лезвию у шеи Везнича. Пожалуй, лучше было сейчас пожертвовать ее ладонью, чем его горлом. Одернув копьё, они хотя бы могли выиграть себе шанс на жизнь. Судя по наклону лезвия противник находился совсем за углом, так что видеть он априори мог только Везнича. Оставалось

полагаться на удачу, что рука Агнеши не дрогнет и успеет перехватить оружие до того, как случиться непоправимое.

Хотелось сглотнуть ком вставший камнем горле, но это движение могло бы отвлечь что Рыжую, что врага, поэтому Везнич терпел. Агнеша едва заметно моргнула и в ту же секунду дернула лезвие прямо на себя, чуть отводя его в сторону.

Везнич тут же выбрасывает руки вперед и сделал резкий нырок под вытянутое древко. Копье тут же одернули, Агнеша не успела одернуть руку и перо распоролось ей ладонь наискось. Кровь брызнула на землю и ударила в нос ярким запахом железа.

Везнич проскреб затылком землю, совершая звериный прыжок-кувырок, едва ли не встряв ободранной ладонью прямо в костер. Чиркнув пяткой по земле, он развернулся и отгородился ножом, прикрыв локтем печень, а левой рукой создавая дистанцию. Если обладатель копья был неплохим воякой, то шансы у них так себе.

Агнеша уже успела вскочить на ноги и выудила из сапога нож, вооружив левую руку. Правой крепко сжимала меч, Везнич краем глаза заметил, как по рукояти стекают струйки крови. Сильно распорол.

Некто уже успел исчезнуть в темноте, но запах, который Везнич успел запомнить, окружал из вдоль и поперек, смешиваясь с запахом крови и огня. Кровью вообще пахло как-то слишком сильно. Он еще раз мельком глянул на Агнешу

и стало понятно. Швы разошлись. Рубаха намочла и висела грузом, пропитываясь кровью.

Если быстро не закончить бой и не прижечь рану, Агнеша быстрее скончается от потери крови, чем от новополученных увечий. Нужно было действовать.

Поступь у врага была необычайно легкая. Словно коша-чья, и несмотря на то, что вся земля была усеяна иголками и шишками, слышно его не было от слова совсем. Знак, конечно, был хороший, что тут вообще есть люди. Но если эти люди так настроены ко всем чужакам, то им придется явно не сладко.

Агнеша нащупала в темноте противника раньше, отбила прямо направленный удар копьем, хотела поднырнуть под древко, но враг ловко изменил направление удара и едва не вспорол ей макушку зазубренной рогатиной.

Агнеша ловко упала на бок, перекатилась и тут же вскочила. Везнич сморщился, представляя, на сколько это больно. Он ничего не мог поделать. Кромешная тьма. Костерок как назло почти угас, оставляя в свету лишь их спины, а враг до сих пор не показал морды, придерживаясь на расстоянии. Берет на измогу, тварь.

То ли ему почудилось, то ли движения воздуха изменились, но следующий удар пришелся прям из ниоткуда по нему, перо коснулась плеча, когда Везнич уже находился в движении, и, натянув рубаху, с треском порвал ее.

Копье по инерции взметнулось вверх, а потом медленно,

с усилием человека, полетело обратно вниз, в сторону Везнича, судя по тому, сколько времени это заняло, противник был физически слабоват и с трудом справлялся с собственным оружием. Это им на руку.

Агнеша решила не оставаться в позиции жертвы и уже подскочила к Везничу, подпихнула падающее копьё под древко, меняя траекторию и нырнула в темноту. Везнич кинулся следом.

То, что он увидел, можно было поистине назвать самым странным, что он видел за все время короткой жизни. Ребенок, это точно был ребенок, судя по комплекции и крошечному росту. А на голове у него привязаны огромные лосиные рога, явно мешающие ему не то что сражаться, а шевелиться вовсе. На лице маска, видно волчья черепушка, изрезанная ножом какими-то чуждыми символами.

Агнеша ловко ударила рукоятью ножа по запястью, выбив одну руку из строя, а потом и вовсе, кинув нож на землю, выдрала копьё из оставшейся руки и откинула его в сторону.

Везнич резким ударом плеча, без особых усилий повалил противника на землю, а лезвие ножа скользнуло под маску, уперевшись в напрямик в трахею.

Он слышал, как тяжело дышит Агнеша, слышал, как капает ее кровь, слышал как скрипят его собственные сухожилия от напряжения, но не слышал ни звука от нападающего. Ни вдоха, ни писка, ничего.

«Нечисть» — промелькнуло у него в мыслях и он с силой

содрал костяную маску с лица, рога, как ни странно, остались на месте, будто были вращены в башку.

— Девка! — он изумленно вытаращил глаза и едва не выпустил нож от удивления.

Агнеша все еще стояла позади него, скрючившись и держась за кровоточащий бок, из-за спины вряд ли могла видеть то, что он увидел он. Крохотное круглое, пухленькое девичье личико. Мягкие щеки яблочками, огромные выпученные глаза и маленькие плотно сложенные губы.

Он слегка наклонил нож, чтобы увеличить площадь касания лезвия.

— Убить? — спросил он у Агнеши, вроде как не желая убивать ребенка. Вдруг испугался просто или чужих не видел никогда, вот и напал. Чего бить зазря то.

— Погодь, — тяжело выдохнула Агнеша и заскрипела зубами. — Мелкая, живая?

Она подошла ближе и глянула той в лицо, девочка даже не повела зрачками в ее сторону: продолжая буравить взглядом Везнича.

— Ау? Ты говорить умеешь? — он присела на корточки и склонилась над ней.

Везнич почувствовал, как пахнуло кровью и желудок свело судорогой. Ужасно хотелось есть.

Агнеша сощурилась, нагнулась еще ближе, будто зрение у нее подводило, и вдруг провела ребром рваной ладони по губам девчонки. Та, по-началу, все еще не подавала никаких

признаком жизни, а потом резко облизнулась, будто зверь какой.

— Ты дура? — неожиданно спросила Агнеша и упала на задницу рядом с ней, сложив ноги друг на друга.

Везнич совсем перестал понимать что происходит, но лезвия убирать не спешил, поскольку команды не было. Было вообще как-то странно ждать чьей-то команды, а не действовать согласно своим желаниям.

Девчонка вдруг ожила, задышала, крутанула глазами по кругу и нахмурилась.

— Ты не могла бы пса своего согнать? — спросила она, явно обращаясь к Агнеше голосом, который ну уж точно не подходил девчонке ее возраста, больно уж взрослый, женственный и характерный он был.

Агнеша едва заметно кивнула и Везнич, даже не сомневаясь, отодвинул клинок от горла и сполз с противника, который им, кажется, теперь уже и не являлся.

Девчонка подобралась на лопатки и тяжело вздохнула, устало закрыла глаза и стала разминать шею. Из ее спутанных волос струились птичьи перья, какие-то ленты, полосы шкур и боги знают чего еще.

— Забыла твой запах совсем, — она откашлялась после этих слов и утерла рот рукой, размазывая кровавые остатки по щекам. — Сама виновата. Тыщу лет тебя не видела.

Глаза у нее были странные, один нормальный, почти черный, как зрачки, а второй... будто пленкой какой затянутый.

Явно не слепая, обоими водила нормально, но все равно как-то странно.

Везнич недоверчиво отполз ближе к Агнеше, все еще сжимая рукоять ножа в ладони.

— Ты ее знаешь? — прошептал он ей прямо на ухо, только сейчас замечая на нем рваный, уже заживший, но все еще розовый шрам, тянущийся через весь висок.

— Еще как. Давняя история. Как-нибудь расскажу тебе обязательно. Та еще забава. — она медленно подтянула свой нож носком сапога, а потом убрала его обратно в голенище, — эт Кань.

— Кань? Имя не нашинское какое-то.

— Дак и она не наша. Мы с тобой ой как далеко оказались от Дивоморского, а от горцев еще дальше! Это вообще не ее имя вовсе, но просто это все что я способна выговорить, — Агнеша безразлично пожала плечами и скрючила лицо в приступе боли.

Кань легонько наклонила голову, нахмурила брови и снова замерла всем своим естеством, будто умерла.

— Это она птицей летает, — стала тихо объяснять Агнеша, пока Везнич изумленно таращился на странную девчонку, — у нее вишь, один глаз не родной. Он у птицы потому что. Птица летает, она смотрит. Это колдовство у них такое местное.

— Шаманство какое-то...

— Не поверишь, оно самое. Щяс вернется и очнется.

Кань еще недолго побыла в своем приступе, а потом резко, будто по-змеиному внутренним веком моргнула. По-крайней мере Везничу так показалось в темноте, может она и нормально моргала.

— Идти можно. Дороги тихие, — сразу ввела она их в курс дела и стала подниматься на ноги.

Ноги у нее, кстати, оказались чрезвычайной короткие, а встав рядом с Везничем она и вовсе оказалась ему едва ли по грудь, а то и меньше. Вся она была покрыта шкурами, будто кусками наложенными друг на друга и слабо походившими на привычную одежду.

Девушка бодрым шагом, чуть ли не вприпрыжку, играючи отрывая пятки от земли, поскакала куда-то в лес по темноте. Видимо с ее особенными глазами ей вообще особо не надо напрягаться и пытаться разглядеть хоть что-то.

Агнеша снова рукой повисла на шее Везнича. Бок у нее совсем был плох, кровило страшно. Он предложил ей снова прижечь рану, но Агнеша люблезно отказалось. Швы не разошлись, но, все таки, ткани раздвигались из-за неумелой пайки Везнича и сильно болели.

Прихрамывая, они неуверенно ползли следом за странной Канью, которая не очень то и нравилась Везничу. Она то ныряла во тьму, то появлялась из ниоткуда, но запах, такой тревожно-свежий, мятный, яркий, следовал вокруг них неотступно.

Оказалось что до кромки леса было не так уж и далеко,

хотя вряд ли бы они самостоятельно вышли на нее, если бы их не вела Кань.

Она опиралась на свое копьё, будто на трость, и все время поглядывала по сторонам, резко поворачивая голову, будто зверь какой. Копьё у нее тоже было чудаковатое. Древко сверху до низу было покрыто какими-то зазубренными отметинами. Лезвие было вовсе не из железа, а из какого-то странного, темного, полупрозрачного камня, выдолбленного в нужную форму грубой работой.

В добавок ко всему оно еще и было перетянато какой-то странной веревкой, больше напоминающей высушенные натянутые жилы, чем обыденную бечевку.

— Ты одна тут живешь? — тихонько полюбопытствовал Везнич, заглядываясь на маленькую удивительную Кань.

— Конечно. Каждый день. Делать мне больше нечего. Сама охочусь, сама рыбу ловлю, сама скот пасу, сама грибы собираю. И все сама. Ага.

Столько язвительности по обыденному вопросу Везнич почувствовал в свой адрес впервые. Рыжая, конечно, тоже не ласкала его словом, но как-то не так обидно.

Он недовольно закатил глаза и расспрашивать больше не стал.

Выйдя из лесу Везнич не смог углядеть ничего, разве что неяркие огоньки где-то вдалеке и то, что на кучу верст вперед леса больше не существовало. Под ногами стала путаться мелкая трава, редкие колючие кустарники, так и норовили

зацепиться за штаны и крошечные, скрюченные березки.

— Они кочевники, — начала объяснять Агнеша Везничу, уже ожидая, что тот начнет спрашивать, — это просто зимняя стоянка. Переждут морозы, потом дальше пойдут.

— В шалашах? Дак холодно же...

— Это ты так думаешь. А там несколько слоев бересты, слепленных рыбьими потрохами. Еще и прошитых жилами животных. И не шалаш это. Чум.

— И чего, правда тепло?

— Тепло конечно, как бы жили они! Но те, кто поближе к нам обитает уже в избах живут, не кочуют. А эти все скачут на своих оленях непонятно куда.

Везнич услышал, как Кань, идущая впереди, недовольно цокнула языком.

— Это ты не знаешь куда. А мы знаем.

— Вот именно, если б я знала я б может почаще с тобой встречалась. А так. Поди найди, скорее с голоду в тайге вашей помрешь!

— Ой давай вот без этого, — Кань нахохлилась, похожая на птичку в своем многослойном пушистом одеянии и сунула руки подмышки. — И берестой мы только летом кроемся. Сейчас холода уже скоро, шкуры в ход пошли.

— А говорите вы все тоже на нашем? — Везнич потихоньку погружался в этническое поле северных народов.

— Еще чего. Больно надо. У нас свой язык есть. Просто вы только на своем трясти умеете.

Прозвучало даже как-то оскорбительно, хотя, скорее всего, Кань этого не хотела. Везничу стало обидно оттого что она права, ведь и вправду, они говорили на своем языке только потому, что это единственный который они знают.

— У нас клан оленеводов. Мы знаешь скока на ваших денег делаем, а? — продолжала угнетать его Кань, — не знаешь, явно. А Княгиня ваша хорошо нам платит. А девки ваши потом хвастаются, что у них одежды редкие, дорогие. А нам от ваших ничего не надо. Мы сами себе все можем.

Она стала аккуратно проходить между чумов и периодически поглядывать внутрь, явно что общаясь с поселенцами, которые, наверняка, уже ложились спать. Язык у них был на слух чудной какой-то, не похожий на горский. Какой-то звонкий, с птичьими переливами будто.

— Я с моего чума сгоню кого не надо, у меня останетесь. Травницу позову, она тебя починит.

Агнеше хватило сил только вежливо кивнуть. Кань утащила их к своему чуму, а потом, почирикав внутри на повышенных тонах, выгнала оттуда нескольких человек и позвала Везничу с Рыжей за собой.

— А они не обидятся? Что ты их выкинула?

— Да кого они там. Тут каждый второй тебе брат, у них дом везде где лечь можно, пусть вот и лежат в другом месте. У меня все таки вы сейчас поважнее будете, — и она нырнула в свой остроконечный шалаш, который Агнеша обозвала смешным словом «чум».

Лицо опалило жаром, который снаружи и вовсе не чувствовался. Яркое пламя плясало прямо посреди чума, на земле, едва ли огороженные несколькими камушками. С непривычки Агнеша зажмурилась, прикрыла глаза ладонью, спасаясь от яркого света.

Везнич удивленно покрутил головой, пытаясь понять, куда уходит дым от костра и почему тут довольно таки свежо, и обнаружил прямо над головой большое отверстие, в которое уходил высокий центральный шест. В нем едва ли можно было разглядеть звездное небо, так сильно и густо валил дым.

Изнутри стены не были похожи на шкуру, больше на какую-то ткань, местами обшитую мехом. Кань обогнула их кругом, вышла из чума и снова зашла, только на этот раз задом.

— Все тепло выпустите, дураки.

Везнич хотел огрызнуться, но Агнеша вовремя одернула его за рукав и тот не стал возникать.

Пол вокруг очага, ближе к стенкам, чтоб не подпалить случайно, был устелен тонкими ветками, поверх которых были кучей накинуты шкуры. Агнеша тут же обессилено упала на них и будто бы растеклась, блаженно вздыхая полной грудью и радуясь мягкой подстилке.

Везнич аккуратно присел рядом и продолжил оглядываться, уж больно интересно и чуждо это все выглядело. Сверху на шесте, который стоял по центру, красовалась огромная

птица, устремляя свои крылья в разные стороны. У его подножия стояли громоздкие сундуки, лежало оружие, совсем непривычное глазу.

Он привстал на четвереньки и хотел аккуратно подползти, чтобы потрогать один из луков, но Кань громко и злобно шикнула на него.

— Не твое. Нельзя.

— Я же просто пос...

— Не просто. Нельзя и все. Не трогай.

Везнич обиженно отполз назад и сел обратно, ожидая, что будет происходить дальше.

— Есть сначала, потом остальное все? — спросила их Кань, роясь в своих вещах будто собака.

— Спрашиваешь! — обрадовалась Агнеша и вскинула руки, — я ради твое похлебки с олениной и душу торговать готова! — Она наклонилась к Везничу и проговорила уже чуть тише, — Ты такого мяса в жизни не ел. Так нигде не готовят, да и оленины ты не сыщешь.

Кань незаметно вынырнула из чума и почти сразу же вернулась. Стала крутиться вокруг котелка, подвешенного над огнем. Вскоре запахло едой.

Олениной, правда, не пахло, или Везнич не мог понять, как она должна пахнуть, но супом, жирненький, плотненьким, пахнуло однозначно. Живот скрутило пуще прежнего. Оставалось только ждать.

— А готового нету что ли? Ждать сидеть... — протянула

Агнеша, будто читая его мысли.

— Нету. Съели. Хош травницу позову, пока варится? Тебя посмотрит.

Агнеша кивнула и перевалилась на бок, оголяя разодранную часть себя. Кань притащила травницу быстро. Раскрасневшаяся, со слипшимися отеками глазами она казалась ну очень уж сонной и недовольной одновременно. Девушка побухтела что-то на своем птичьем языке, а потом припала к Агнеше и аккуратно начала отлеплять уже подсохшую рубашу от раны. Рыжая натяжно зашипела, чувствуя, как вместе с тканью из нее исходят последние остатки силы.

После этого травница села так, что Везнич перестал вообще что либо видеть, кроме ее спины и пришлось отвернуться, дабы не стоять над душой и не портить процесс врачевания. Уронив голову на грудь, он поначалу сидел, прижав колени и наблюдал за тлением угольков, но потом усталость все-таки взяла свое и он повалился на мягкие шкуры, забываясь тревожной полудремой.

Травница недовольно качала головой, снимая неумело наложенные швы, заставляя Агнешу корчиться и стонать от боли. Затем сунула ей какой-то жесткий кусочек непонятно чего в зубы и принялась сшивать заново.

На этот раз вышло недурно, стежки легли плотно и рядом друг с другом. Она вымыла рану теплым полотенцем, аккуратно убирая остатки слипшейся и засохшей крови, а затем хорошенько смазала это все дурно пахнущим раство-

ром. Помогла Агнеше стянуть с себя рубаху, бурку то они давно оставили в лесу, чтобы не тащить мертвым грузом, и перемотала ее крест накрест чистыми полотнами холстины.

Кань уже успела где-то найти мужицкую рубаху и натянула ее на Агнешу, помогая ей справиться с рукавами, которые оказались чересчур длинными, а сама рубаха едва ли не доходила до середины голени.

— Платье какое-то, — недовольствовала вслух Агнеша.

— Какое есть. Мы тут особо количеством одежды не балуемся.

К моменту, когда с лечением было покончено уже подошло мясо. Бульон громко журчал в котелке, из-за чего тот легонько покачивался из стороны в сторону и посвистывал глиняной крышкой.

Агнеша аккуратно коснулась плеча Везнича, не желая того напугать спросонья, но тот все равно резко вздрогнул и ошалело выпучил глаза, не понимая где находится и что делает.

— Ты чего? — тут же поинтересовалась у него Рыжая.

— Кошмар что-ли... не помню... — Он потянул руку к лопаткам, чтобы почесаться, но не сумел из-за ширины спины. — Почеши а... Пожалуйста...

Агнеша хитро улыбнулась и нырнула рукой под рубаху. Кожа была потная и липкая, отчего ногти шли по ней неохотно и медленно, иногда царапаясь, но Везничу все равно нравилось, судя по довольному по-кошачьи выражению лица.

Кань разлила по глиняным мискам суп, от которого сильно пахнуло рыбой, а затем выловила мелкие куски мяса и аккуратно уложила на дощечку рядом.

С тройным удовольствием они накинулись на поздний ужин и жевали так, что за ушами хрустело. Горячий бульон обжигал горло так сильно, что вдохнуть нельзя было, но они все равно не останавливались. Есть хотелось неимоверно.

Везнич едва успевал утирать губы рукавом, чтобы не капать рыбным отваром на бороду, но все равно пару раз не смог, и волосы пропитались маслом и стали дурно пахнуть.

Дожевав остатки оленины, которые, будто говядина, тяжело давались и застревали волокнами между зубов, они тут же повалились на шкуры кверху животами.

— Потрясающе... — блаженно простонала Агнеша, уже закрывая глаза и заворачиваясь с головой в меховое покрывало. — Лучше и быть не может...

Везнич только зевал в ответ, скручиваясь, будто гусеница в куколку, в шкуры, и утопая в сонном царстве.

Сон явно был плохой. В последнее время ему вообще спалось беспокойно, а сейчас стали мучить странные ощущения какого-то стороннего присутствия. Будто кто-то яростным взглядом сверлил затылок, пока Везнич спал, ожидая, что тот ослабнет, потеряет бдительность на мгновение и тогда... Тогда что-то произойдет. Пока непонятно что, но явно что-то плохое. Он много ворочался, обливался холодным потом, а в его голове он был один. В полной темноте. Трусливо

озирался по сторонам, пытаясь понять, откуда ждать угрозу.

Проснулся резко и схватился за грудь. Было ощущение, будто сердце вместе с душой хотели заживо выдрать. Скрючился, тяжело выдохнул, а потом потянулся всем телом сразу, разминая онемевшие конечности. Ногу свело судорогой и он резко перехватил ступню на себя, чтобы унять болезненные ощущения.

Оглянувшись по сторонам, заметил Агнешу и Кань, сидящих у входа. Они тихо о чем-то шептались и даже не посматривали в его сторону.

— Утро уже? — сразу начал он с насущного вопроса и двое тут же притихли.

Агнеша неловко переглянулась с Канью и стала заламывать руки, будто бы не зная как подобрать слова. Кань недовольно вздохнула и взяла роль объясняющего на себя:

— От тебя гнильцой подваливает. Нехорошо прям. Надо очищаться, — она недовольно хмурила свое чересчур детское лицо, из-за чего вся попытка напустить серьезности на ситуацию напрочь пропадала.

— В смысле?

— В смысле что-то нечистое за тобой увязалось. Недоброе. Мучает и будет мучить. Боги его знают, конечно, что за зараза и кому ты дорогу перешел, но надо очиститься обязательно.

— А без этого... ну, не судьба? Обойдусь может? У нас, все же, дела поважнее есть и по времени то не особо ждут...

— Нет! — сказала как отрезала Кань, мотнула головой и сотни ее штукек, прицепленных к голове, взметнулись одной волной. — Ты помрешь раньше еще и беду на людей вокруг себя навлечешь!

— То есть на меня... — вступила в разговор Агнеша.

— А я ей, между прочим, кое-чем должна. Так что либо у вас расход, либо очищаться будем.

Расходиться Везничу не хотелось. Явно не сейчас. Он чувствовал буквально всем своим нутром, что он должен оставаться рядом с Агнешей несмотря ни на что. В конце концов, она была единственной ниточкой к нему самому и всему, что он когда либо мог знать и делать.

— Лады. Что делать?

— Идти. Далеко. На реку Пиавны. Там вода хороша, исцелять умеет и камень там. Вежөр. Он главный. Он эту воду насыщает силами.

— И что, лечить он меня будет?

— Будет конечно. Он колдовской. Я наговор на воду сделаю, а ты на камень. И лечиться будешь от своей дряни.

— А далеко это на сколько?

Кань задумчиво почесала голову, попыталась что-то посчитать на пальцах, но потом только как-то слишком уж обреченно вздохнула и развела руками.

— Прилично. Мы на зимовку поближе к лесам перебираемся, а Вежөр он там, где небо земли касается и ничего ему не мешает.

— Сколько пути, день? Два?

— Меньше поди, но все равно далековато. Может за день туда и обратно успеемся, или там спочуем, а на утро сюда. Но не хотелось бы. После очищения ослаблен будешь ты.

— Понять не могу, мы пешком что ли пойдем? — Везнич уже подозревал ответ на свой вопрос, но, все же, надеялся, что это не так.

Кань лишь удивленно свела брови на переносице, посмотрела на него как на дурака и отмахнулась.

— Ишь чего захотел. Олени тебя и за версту к себе не подпустят, у них то чуйка получше нашего будет! Я б знала заранее, не вела бы вас к себе, но ото оно как получается.

— Сама привела, сама и исправлять будешь...

Кань лишь кивнула на это и стала выбираться из чума наружу, напоследок как-то зловеще сверкнув своими странными глазами.

Агнеша показала ему место для умывания, у самого входа в чуме, а сама стала одеваться. Новый дареный козух сидел мешковато и как-то нелепо, но все же лучше, чем ничего. Ветра тут вообще страшные, особенно на открытой местности.

Обувку ей пришлось тоже сменить, горные сапожки никуда не годились со своей мягкой подошвой. Новая обувка была какой-то смешной и странной одновременно. Местами, будто полосами, была то шерсть, то шкура какая-то гладкая. Зато тепло, а остальное не важно.

Глава II

— Мы на севере, получается? — Лесьяр брел за котом, который периодически недовольно подергивал хвостом и исчезал где-то в кустах.

— Это ты с чего так решил? — Лесику показалось, что он глянул через плечо, будто бы человек, но вряд ли на самом деле у кота могла так голова работать.

— Ну лес хвойный. У нас то смешанные, лиственные. А тут совсем. Одни иголки и... мрачно так...

— Деревня, — кот будто бы даже вздохнул, печально повесив голову, — ты где такое узнал вообще?

— Прочитал...

— Слава богам ты хоть читаешь умеешь! — он снова дернул хвостом, но на этот раз уже задирая его трубой, а не волоча по полу. — Не то правда читал. У нас, знаешь ли, мир вообще большой. А книги ваши мирожитовские всего пару княжеств охватывают, куда их гадкая рука дотянулась.

— Ну и где мы тогда по-твоему?

— В Старо-Кредгородском.

— Дак это же...

— Совсем рядом с погорелым лесом, и, твоим приютом, соответственно.

— А мы как тут оказались то?

Кот повел хвостом и замолчал, Лесьяр даже успел поду-

мать, что он не собирается отвечать, но тот в ответ на эту мысль повернулся к нему мохнатой мордой недовольно повел усами.

— Не знаю. То, что там было какая-то колдовская штука для перемещения в пространстве это любой дурак бы понял. Есть вход и выход. Это везде так, обычная дверь. Только расстояние между комнатами побольше. А тут... — он медленно моргнул своими человеческими глазами и опять дернул усами, подражая обычным кошкам, — сломалось что-то. А что... поди разберись. Я не знаток особо.

Он снова развернулся, облагораживая взгляд Лесика своим пушистым задом и пошел дальше. Чудно это все как-то было. Лесику ужасно интересно было узнать, как это все работает на самом деле, это оборотничество... Одежду он скинул, это точно. Кафтан, рубаха, сапоги и портки остались валяться там, где они очутились. А обратно как? Нагишом что ли? Непонятно как-то это. Глупо что ли...

И глаза у него чудные. Кот с человеческими глазами! До мурашек жутко и неестественно выглядит. У котов, обычно, радужки на все глаза, а у этого... и белок видно, и зрачки... круглые. Стало интересно, видит ли он в темноте вообще, как настоящие коты, или же все-таки не очень.

— А идем мы куда? Ты знаешь?

— Нет, сука, брожу тут кругами просто так! — Клещ явно разозлился, непонятно только от чего, от глупых вопросов Лесика или оттого что их было слишком много. — Знаю я.

Все знаю. Хватит спрашивать, а то убегу и все. Хер тебе, а не с лесу выйти.

Лесик прикусил язык и послушно поплелся следом. Выбора, кроме как идти за хвостатым проводником у него особо не было.

Когда среди деревьев впереди стало проглядывать светлое небо, Лесик стал замечать что-то странное. Сначала он не мог понять, что мозолит ему глаза и боязливо озирался по сторонам, будто бы ожидая, что со стороны на него прыгнет какая-то нечисть и вспорет глотку, но ничего не происходило.

— Трутовики... — вдруг сообразил он.

— Что?

— Трутовики растут... Их тут быть вообще не должно, я читал что они растут только...

— Только на лиственных деревьях. Это и я знаю, ученый херов.

Клещ остановился и задрал свою усатую морду вверх.

— Да и на трутовик как-то слабо похоже... Странный какой-то. Слишком круглый.

— И большой...

— И это тоже. Давай пойдем побыстрее а... Не нравится мне тут...

Клещ стал поспешно перебирать лапками, и Лесику даже пришлось перейти на легкий бег, чтобы поспевать за ним. Когда лес стал совсем редеть, грибы будто стали совсем

огромные и едва ли напоминали грибы, больше походя на паучьи коконы.

— Совсем это... странно... — Запыхавшись простонал Лесик, боязливо огибая коконы, стараясь их не задевать.

— Потом выясним. Сейчас надо бы выбраться, а потом остальное, — кот вильнул хвостом и первым вынырнул из леса, оставляя огромные грибовидные пузыри позади, — если я правильно сориентировался, то я точно знаю где мы и куда можем пойти.

Уже издалека, даже невооруженным взглядом, можно было заметить постройки. Деревня какая-то или село, перед ними полосами по земле струились уже убранные поля с выкорчеванной землей.

Лесик совсем забыл, что уже прошли первые седмицы осени и урожай был собран. Стало обидно. Ему еще немного хотелось посмотреть на золотистые волны, будто бы убаюкивающие своим постоянством и спокойствием.

Проходя мимо голой земли, он осторожно поглядывал назад, будто боясь, что грибы очнутся и пойдут за ним следом, но, к счастью, ничего не происходило. Сосны мерно покачивались в такт дуновению ветра, а большие мясистые пузыри на их стволах были все так же недвижимы. Странно.

Деревня была обычной, ни больше, ни меньше. Люди живут, скот гуляет, дети шныряют туда-сюда как ошпаренные. Лесик не сразу заметил, что на них как-то странно поглядывают. Перешептываются, смеряя взглядом то кота, то его

самого. А ведь точно. Он то сам был выряжен в княжеские одежды, все еще, обшитые золотистыми, явно что не дешевыми нитками... а кот... явно что не домашний. Дикий. Тут любой дурак сходу скажет.

— Парень, приברי скотину! Чего баб пугаешь! — окликнули его откуда-то со стороны и Лесик от смущения и испуга зашелся краской.

Клещ растопырился и поднял шерсть дыбом, щерясь на недоброжелателя, но Лесик тут же подхватил его на руки и прижал к груди.

— Отвали! Что делаешь! — шипел на него Клещ.

— Извините! — уже откланялся Лесик перед возмущенным крестьянином и спешил убраться подальше, пока кому-нибудь из них не прилетело чем-нибудь по башке. — А ты уймись! Скажи лучше, куда идти.

Кот недовольно фыркнул и дернул усами, хвост его нервно подергивался из стороны в сторону, щелкая Лесика по животу.

— В усадьбу, куда ж еще.

— В усадьбу?! Прямо... прямо...

— Прямо туда и ни шагом в сторону. Я тебе что, пальцем деланный, чтоб хером у крестьян околачивать?

— Ну... нет... но!

— Без но. В усадьбу дуй.

Лесик послушно стал пробираться к центру деревни, стараясь как можно больше избегать пересечений с кем-нибудь

недовольным.

— А зачем ты вообще котом перекинулся? — прошептал Лесик на ухо коту, на что тот недовольно дернул ушами. — Тебя ж теперь замечают все.

— Все, да не те кто надо. О моих особенностях пару людей от силы знает, в том числе и ты. И если спрятаться надо, то шкура — самое оно. Только раз ты теперь в числе знающих, то твой язык неплохую цену имеет. Так что держи его за зубами. Или...

— Или что?

— Или без него останешься.

Лесик сглотнул ком в горле, не очень то он и хотел обладать этим знанием, к тому же еще и расплачиваться за него. Он вообще этого ничего не хотел. Сидел бы себе в приюте, да только мечтал о том, что путешествовать, а на самом деле знать не знал бы, что там другой мир какой-то существует...

Лесик аккуратно скользнул за забор, отодвигая свободной рукой приоткрытую калитку и стал изумленно оглядываться по сторонам. Все-таки ладно было, и много, будто в целый город внутри деревни попал! И дом огромный, попроще, конечно, чем княжеские хоромы, но все равно до жути роскошный! Конюшни, какие-то жилые помещения, сараи, склады, даже парк был, уходящий куда-то в сторону за главный дом.

— Куда теперь? — тихонько поинтересовался Лесик у кота, который уже совсем расслабился и буквально висел на его

руках как какая-то жидкость.

— В дом конечно. Что за вопросы такие?

На этот раз Лесик не стал выражать последующие сомнения, которые он обычно из себя извергал и неуверенно зашагал ко входу. Аккуратные деревянные ступени, выточенные перила, пристройка какая-то над головой, все выглядело опрятно и чистенько, явно что хозяева хорошие были и ухаживали за своим местом жительства.

Клещ стал елозить на руках Лесика, которые давно уже стали затекать под весом кота, и ему пришлось опустить того на землю. Приоткрыв дверь для Клеща, тот тут же юркнул внутрь, поманив Лесика за собой хвостом.

К удивлению, их никто не встретил, разве что какая-то зловещая тишина и ощущение пристального взгляда на макушке. Лесик боязливо озирался по сторонам, и стоило ему только на мгновение отвернуться к двери, перед ними возник мужчина.

Приятной наружности, одетый в расшитые по голенищу кожаные сапоги и какой-то причудливый зеленоватый кафтан, подпоясанный кушаком с обережной вышивкой. Лицо его было не обрито, борода была чуть рыжеватой, но больше по цвету походившей на лоснящуюся лошадиную шкуру, волной опускалась до самых ключиц. Волосы так же были не острижены, они аккуратно вились по затылку и каскадом спускались на плечи. Среди темных прядей незатейливо затесалась седина, сообщающая о почтительном возрасте, так

же как и морщины, обрамляющие его лоб, глаза и уголки губ, раскинутых в широкой, дружелюбной улыбке.

— Дорогой друг! — тут же начал он и развел руками, — негоже на порог в таком виде являться, давай ка мы тебя в порядок приведем, а потом обменяемся любезностями!

Он стал провожать кота куда-то по коридорам, оставив Лесика совсем без внимания и инструкций. Тот неловко топтался на месте, шаркая носком сапога половицы.

По лицу скользнул легкий приятный ветерок с каким-то ореховым запахом и легкой табачной отдушкой. Лесьяр тут же встрепенулся, будто бы кто-то чрезвычайно мягкой тканью поводил ему по щекам, и уткнулся взглядом в лестницу прямо перед ним.

На самом верху, прячась за перилами, стояла девушка. Вся облаченная в белое, явно что в нижней рубаше, которая не предназначалась для взгляда гостей. Большие круглые глаза ее пристально следили за Лесиком, казалось, даже не моргали, и Лесику даже показалось на мгновение, что в этих иссиня-черных океанах он видит, как волнуется море.

— Доброго вам дня? — немного вопросительно поздоровался Лесик, не зная, что ему стоит делать и можно ли ему вообще говорить.

Он-то обычный простолюдин, как никак, а тут — люди знатные. И как с ними обращаться правильно и что делать ему положено, он этого точно сказать не мог.

Девушка неловко улыбнулась и скрылась в коридорах до-

ма, оставляя лишь по всему помещению запах орехов, табака и еще чего-то лесного. Будто нечисть какая, а не человек, ей богу.

Стоило только Лесику проморгаться от увиденного и протереть глаза, как к нему вернулись Клещ и его знакомый, в процессе что-то шумно обсуждая.

— А, кстати, Радослав, — Клещ подошел к Лесику и придержал его за плечи, будто ребенка малого, — этого зовут Лесьяр. Друг мой тоже. Со мной путешествует, найдется и ему место погостить тут?

— Отчего же не найдется! — Радослав не переставал улыбаться, всем своим видом вводя Лесика в зыбкое напряжение, — конечно же, как родного примем. Только вот...

— Об этом не беспокойся. Я сам позабочусь. — Клещ многозначительно подмигнул Радославу и тот как-то странно облегченно вздохнул, хотя ладони его все еще нервно сжимались до белоты на костяшках.

— Вы, наверное, устали с дороги и есть хотите? Пройдемте в столовую, у нас обед как раз сейчас намечается.

Лесик молча кивнул и зашеркал следом за Клещом, напоследок оглянувшись через плечо, надеясь встретиться взглядами с таинственной незнакомкой.

За столом он ее так же не увидел, хоть и было странно, может, померещилось ему и не было никакой девушки? С дороги устал поди, вот и видится всякое.

— А как вы, собственно, здесь оказались-то? — Радослав

внимательно посмотрел на Лесика своими уставшими глазами.

— Да как... Ну...

— Долгая история. Больше сказать, что случайно, ежели цель такая была. Но нам твоя помощь нужна теперь будет, — перебил Лесика Клещ и Радослав тут же переключил свое внимание на него.

— Слушаю внимательно, — он ласково улыбнулся, совершенно беззлобно и без доли сомнения, видимо с Клещом они были действительно хорошими друзьями.

— Нам надобно отыскать двух ерсаков, возможно, они порознь находятся, но может и вместе. Рыжую и Беса, если ты помнишь.

— Дак Бес он же...

— Жив. Здоров и полон сил, и теперь бродит где-то по миру с одной моей очень важной вещицей. А Рыжая, боюсь, может быть в большой опасности, и мне надобно ей помочь.

Радослав поначалу нахмурился, провел языком по зубам, почесал бороду, будто серьезно обдумывая сказанное, и только затем ответил:

— Поможем, отчего же не помочь. Подниму свои связи и людей. Мигом отыщутся. А вот... примерно то хоть путь есть?

— Возможно был какой-то колдовской всплеск непривычный, но не более того. Они так же, как и мы, волей случая были откинута на неизвестные нам земли.

— Ох ну и суета у вас как всегда! Что не день у Ерсака, то чудеса какие-то! — Радослав снова заулыбался и Лесику сразу стало спокойнее где-то у сердца.

Стоило ему только отвлечься от мыслей о призрачной гостье, как она тут же показалась из-за дверного проема, знатно припозднившись к трапезе.

— Богданка, душа моя! — тут же обернулся в ее сторону Радослав, — ты чего гуляешь? Кушать пора уже...

Девушка по-лисьи прищурилась и тихо хихикнула, а затем скользнула к столу. Движения ее были почти незримы, будто не шла она, а плыла вовсе, так мелко семенила она ногами и так аккуратно ставила свои ступни, которые оказались босыми.

— Хоть бы порты надела, дитя ты лесное! — развел руками Радослав и немного недовольно посмотрел на нее, — а то ходишь тут, гостей пугаешь. Можно было бы и оприличиться немного.

Лесик по правде мог сказать что она и так уже оприличилась, надев поверх исподней рубахи белесый сарафан, украшенный вдоль и поперек обережной вышивкой. Богданка молча пожала плечами и села за стол возле Клеща, напротив Лесика. Бездонные черно-синие глаза ее лукаво щурились, а рот кривился в насмешливой улыбке. По спине поползли неприятные мурашки и стало как-то не по себе.

Радослав опять увлекся разговором с Клещем, игнорируя всех остальных участников застолья, так что Лесику только

и оставалось что молча кушать и стыдливо прятать глаза в тарелку под холодным взглядом Богданки. Девушка тем временем старательно выковыривала овощи из миски, убирая их на края тарелки и выкладывая ровным кругом, а сама выклевывала только мясо.

Странной она казалась Лесику, чересчур, кожа цвета обмытой кости, глаза эти огромные, а волосы совсем черные, как смоль, без единой завитушки или кудряшки, спускающиеся чуть ли не до самого пола. И одежда у нее какая-то непривычная. Он-то тоже носил обережные знаки и на рукавах и на груди, но чтобы так... Будто сарафан и вовсе был сшит из лент, полностью состоящих из плетений. Ну и если по имени судить, то она могла трудно достаться отцу или... быть причиной смерти матери, раз ее тут нет, вот и защищают как могут.

Лесик поежился, все равно, какая бы красивая она ни была, ощущение постоянного наблюдения не радовало. Богданка тем временем закончила свою странную трапезу, не менее странно улыбнулась и тихонько ушла из комнаты, будто ее тут и не было.

— А... Э... Радослав...

— Да, мой мальчик, что такое? Добавки попросить принести?

— Да нет я... Эм... Хотел спросить про лес этот ваш...

— Про лес? — Радослав на мгновение нахмурился, но потом снова расслабился очень удивленно поднял свои густые

брови. — А что с ним?

Прежде чем начать, Лесик успел заметить на себе то ли недовольный, то ли испуганный взгляд Клеща, но никак не смог его интерпретировать и продолжил:

— Мы когда выходили из него, уже ближе к концу стали появляться странные... Грибы, наверное, на деревьях? — он представил в голове картину, которая еще недавно до боли в животе напугала его. — Что это за грибы такие, никогда не видел... Или это лес болеет?

Радослав нахмурился, по реакции можно было сразу понять, что он не знал и никто ему об этом не докладывал.

— Там недавно девку волк загрыз. За ногу утащил, тело так и не нашли, отметки только... Может, хозяин лесной ругается так или еще чего, — Радослав пожал плечами, — но вы не переживайте. Тут безопасно. Вас тут точно никто не достанет.

— А у вас тут леший что ли водится? — Лесика будто молотом по голове ударили, когда он заметил, как ухудшилось настроение у Радослава после этого вопроса. Поперек горла тут же встал противный горький ком.

— Есть, есть... Это ж не ваши лесочки крохотные, которые и лесом то назвать стыдно... — он ссутулился, устало крикнул, подобно престарелому деду и стал подниматься из-за стола.

Клещ недовольно цокнул и закатил глаза, подхватил Радослава под руку и стал выводить из столовой, оставляя Ле-

сика в гордом, или не очень, одиночестве.

Он еще немного посидел за столом, ожидая, что за ним все-таки вернутся, но, завидев что прислуга уже обеспокоенно поглядывает из-за угла в ожидании того когда же он покинет зал и они смогут убраться, все же поднялся и аккуратно вышел в коридор.

Богданка вихрем пронеслась мимо него, одаривая запахом свежести и курева одновременно. Хохот прокатился по коридору эхом, будто в пещере, отталкиваясь от стен и пере-скакивая по окнам. Лесик едва успел вжаться в дверь, чтобы девушка не снесла его с ног.

Богданка хищно улыбнулась ему, оглянувшись через плечо, как-то не очень естественно изогнув шею и поманила пальцем за собой. Лесик послушался, будто очарованный поплелся следом, даже не глядя под ноги. А Богданка продолжала манить его за собой, то приближаясь, то отдаляясь, все время так и дразня его своими руками, почти позволяя ему коснуться рукой ее белоснежной кожи.

— По-постой! — Лесик запыхался, поднимаясь по лестницам и бегая из комнаты в комнату. — Подожди же!

Лесик из последних сил кинулся к ней и уже буквально почувствовал, как коснулся ее руки, как отдало холодом в его ладонь но... Будто из ниоткуда в воздухе появился Клещ и перехватил его за запястье.

— Что ты делаешь? — зашипел он на Лесика, прижимая его к стене, позволяя Богданке исчезнуть из виду, сотрясая

воздух зловещим хохотом и ауканьем. — Что, мать твою, ты делаешь?

— Я... я... — Лесик испуганно захлопал глазами, внутри врун возникло чувство, что он и вправду совершил что-то ужасное и непростительное.

— Бегал за дочкой моей друга, по его дому, шумел как последний кабан и... и... боги знают что еще, это ладно! Но скажи мне... Скажи, богов молю, ты не успел коснуться ее?

— Я...

— Ты коснулся ее или нет?! — Клещ уже перешел на крик, он все еще сжимал запястье и тряс безвольной кистью Лесика у него перед лицом.

— Нет! Нет же! — пропищал Лесик. На глаза уже начали выступать крупницы слез, а ком в горле подпирал все плотнее.

Клещ облегченно выдохнул и отступил на шаг, все еще не отпуская его руку.

— Хорошо... хорошо... Ладно, — он глубоко вздохнул, свободной рукой задрал растрепавшиеся волосы и тяжелым взглядом посмотрел в заплаканные глаза Лесика. — Просто запомни одно правило, ладно? Никогда. Не трогай. Богданку. Запомнил? Запомнил, я спрашиваю?

— Дд-да но....

— Без но. Она больная, хвора́я и можно сказать... чумная. Не трогай ее, хорошо? Никогда. Ни при каких условиях.

— Я... Я, — Лесик устало вздохнул, борясь со сумбурными мыслями, клубком кружащиеся в его голове, — хоро-

шо... Я понял...

— Вот и славно, — Клещ наконец отпустил его руку. — Иди, прогуляйся, передохни. Сходи в баню, в библиотеку. Почитай, попиши, если ты, конечно, умеешь. Нам придется тут задержаться, так что найти себе какое-нибудь... развлечение.

— Надолго, а мы..?

— Не пойдем искать Рыжую и Беса. Все равно что иголку в стоге сена. Даже если мы будем идти, не факт, что они не будут идти в другую сторону, обходя нас кругом. Мир большой, знаешь ли, и пусть я не верю, что тот круг был способен откинуть их слишком уж далеко, но это все равно бессмысленно. Ты же знаешь, когда потерялся в лесу...

— Стой и аукай. Знаю. Не дурак.

— Вот мы и будем этим заниматься. Считай, что потерялись мы, а ищут нас они, а горцы, которых будет посылать Радослав и все его и мои уши, это наши голоса.

Лесик немного помолчал, обдумывая произошедшее и кивнул. Клещ убрал руки за спину и вальяжно направился куда-то в сторону. Лесику оставалось только наблюдать, как тот шаркает пятками и без особого интереса поглядывает по сторонам.

Споткнувшись пару раз на лестницах, пытаясь покинуть дом, и услышав за спиной зловещий девичий хохот, ему и вовсе расхотелось находиться в усадьбе. Он вышел в деревню, а там, как-то само собой, по-тихонько выбрал к лесу.

Сам того не понимая, стал кружить между деревьями, аккуратно обходя грибные наросты и пиная ногами шишки.

— Что за?.. — он стукнулся лбом об плод и от неожиданности поскользнулся шишках, отчего полетел назад и спиной уткнулся в еще один.

Гриб надрывисто хрустнул и чавкнул, когда Лесик уперся в него рукой. Поверхность, будто скорлупа, проломилась и стала втягивать руку внутрь, погружая его в теплое, склизкое месиво.

— Сука! Фу! — Лесик скрипнул зубами то ли с испуга, то ли со злости и выдернул ладонь из гриба.

На руке, по самый локоть, осталось что-то непонятное... Багровое, липкое, сгустками оседающее на одежде. Кровь. Это точно кровь. Он уже видел ее и не раз. И это точно была кровь.

Он ошарашено отступил от гриба, треснутого, словно раздавленное яйцо и стал рассматривать его внутренности. Сначала ему показалось, что ничего не происходит и это просто обычный гриб такой странной наружности и внутренности, но затем... Он увидел пульсацию... Внутри будто что-то дышало, дергалось, извивалось. Пыталось двигаться, шевелиться, жить...

Он снова шагнул ближе и прищурился, пытаясь понять, были ли это его игры разума или нет. Но внутри точно что-то было. Однозначно. Что-то или... кто-то... Белый, похожий на кучу переплетенных змей.

Сам того не понимая, он потянулся пальцем к плодovому телу, желая коснуться того, что было внутри... Но стоило ему только ощутить тепло плоти, как где-то далеко за спиной завыл зверь.

Лесик испуганно отдернул руку и обернулся. Никого не было видно, только лес и сосны, со странными грибами, но вой... Ужасный, пробирающий до мурашек и продирающий душу, он все не прекращался. Лишь затихал на мгновение, чтобы набраться силы и вспыхнуть вновь.

Лесик уже не знал куда деваться от ужасов, постигших его и в доме и в лесу. Он мог лишь бежать, не разбирая дороги. Бежать, не открывая глаз и зажав уши руками. Страшно. Странно. Ужасно. Все вокруг было так... дико и неестественно. С того момента, как он повстречал Жмура, все... все пошло к Лешевой матери!

Стоило ему только помянуть Лешего в своих мыслях, как вой снова раздался откуда-то со спины, будто подгоняя его и в хвост и в гриву.

Он бежал столько, на сколько хватило сил, ни больше, ни меньше. Сдаваться лесному хозяину он, вроде, пока еще не собирался, но и ногу уже свела судорога, под боком закололо, а горло хрипело от прохладного воздуха. Пришлось остановиться, привалившись боком к какой-то избе, у которой он поневоле случая оказался.

Не успел он и пару раз спокойно вздохнуть, как снова почувствовал ощущение чьего-то взгляда сразу по всему телу.

— Мамка! Эй, мамка! — закричал вдруг мальчонка, оказавшийся перед ним и стал тыкать пальцем в его сторону. — Это чей, мамка?

Из-за угла выглянула женщина, сердито нахмурила брови, разглядывая Лесика.

— Не знаю... Барский вроде, с утра тыжм видел, понаехали он да кот, да?

Лесик едва заметно кивнул, понимая по словам, что вернулся в деревню при усадьбе.

— Эта, сыночка, иди, покажи барскому куда тут чего. А то заблудился, похоже. Негоже барским людям с такой испариной бегать сломя ноги. Иди, иди, давай.

Она ласково помахала рукой, посылая мальчика к Лесику, а сама снова нырнула за угол. Мальчишка недоверчиво покосился на него, почесал растрепанную светлую макушку, подтянул осевшие до колен шаровары и махнул рукой.

— Айда, барский. На озеро ходим. Покажу тебе.

Лесик только молча кивнул и поспешил следом. Не то чтобы ему особо хотелось водиться с крестьянскими детьми, но куда лучше, чем в присутствии Радослава и его странной дочурки. Все таки вырос он в похожей среде, надо бы нос не задирать и не зазнаваться. Оттого что зовут они его барским, он же им не является. Ни таким, ни Ерсакон, никаким другим.

Он поежился, от осознания, что он одно только притворство и ничего больше из себя не представляет, стало непри-

ятно. Даже на мечях драться не научился, что уж об остальном говорить.

— А ты эта, откудава а? — мальчишка заправил большие пальцы за кушак и шел вальяжно, вразвалочку, будто и не шли они мимо леса в котором какие-то одичалые звери и странные грибы водятся. — Меня Нежданом зовут.

— А меня... — Лесик на мгновение задумался, стоит ли ему сейчас называться своим настоящим именем или же Мирожитовским. Все таки люди чужие, место дурное. Он до этого под своим только перед приютом, Жмуром и Клещом ходил, да и те, к тому же, своими именами не назывались. — А меня Медяком звать. Я с Дивоморского приехал.

— У-у-у, — загудел в ответ Неждан, — это ж далека ты оказался. А как оно так?

— Да... — Лесик задумался, как лучше будет объяснить о произошедшем и стоит ли вообще. Его еще, конечно, смутило что Неждана не удивило его имя, но это было меньшей из проблем, — само как-то... не знаю...

Неждан безразлично пожал плечами, будто его этот ответ вполне устроил, мало ли, барский все таки, каких у них причуд только ни бывает.

Он еще недолго поводил Лесика кругами по кустам и лесным тропкам, которые, казалось, переплетаются в бесконечные узлы между собой и никуда не ведут, а потом нырнул в незаметное голубое окошко, прямо посреди листвы и исчез. Лесик немного помедлил, все таки не очень хотелось ему к

чужим людям идти, тем более что они его за барского держат.

В зубы съездят, жопу надерут или еще чего похуже, мало ли. Дети вообще самые жестокие создания, а особенно подростки мальчишки. Лесик как никто другой знал это и не очень хотел стать козлом отпущения, но в лес к странным грибам и в дом к странной девушке возвращаться хотелось еще меньше.

Он нырнул следом за Нежданом и закрыл глаза от света, хлынувшего в лицо. Яркое полуденное солнце от неожиданности, казалось, сожгло все зрение. Пришлось хорошенько протереть зенки руками и прикрыться ладонью, прежде чем он увидел озеро.

Каменистый берег, плавно переходящий в песок дальше от воды. После гор воздух казался ужасно горячим, сухим и каким-то солнечным. Издалека Неждан поманил рукой Лесика и тот тут же скинул сапоги и побежал за ним следом по песку. Тепло. Несмотря на то, что уже осень, все равно тепло.

Он ненадолго замер, перед самой каменной кромкой. Закрылся пальцами в теплую почву и закрыл глаза, погружаясь в звуки и ощущения.

Лето закончилось и наступала пора осени вступать во владения. Это было его последнее лето, когда он чувствовал себя маленьким, никому и ничем не обязанным, самым смелым и сильным, самым бесстрашным. Последнее лето, когда он знал зачем и для чего он живет, когда он был уверен в

завтрашнем дне, в том что он будет сыт и одет, в том что у него будет крыша над головой и место, которое можно назвать домом. Да, он бы мог вернуться, он подумывал об этом, и не раз, но... Он не смог бы вернуться. Даже если бы и хотел, а хотел он только когда становилось совсем плохо. Но плохо было редко, страшно, странно, было, но в общем-то и целом неплохо. Поэтому он бы не смог, мир, открывшийся ему другой стороной был удивителен и по-своему прекрасен, хоть он и сомневался в некоторых вещах и в том, что его окружает, и все казалось каким-то другим, но ведь другое — не значит плохо, это просто... по другому, вот и все.

Неждан снова нырнул в заросли, только на этот раз куда-то в иву на берегу, грустно склонившую свою голову. Лесик прикинул, что в следующий раз надо будет взять удочку, там, под деревом, поди пещерка подводная и рыбы полным полно.

Рыбак из него, конечно, был никудышный, по воле случая он занимался этим всего пару раз, но сейчас, почему-то, очень захотелось.

— Ну вот этово логово наше! Ты, барский, такого не видел поди никогда, да? Сидишь там в своих домах, носу на улицу не суешь? — Неждан забрался на корягу повыше, и, свесив оттуда ноги стал щелкать семечки прямо Лесику под ноги.

— А где все? Ты один тут что ли, в этом логове вашем?

— Та не, — он покрутил пальцем у виска, а затем поманил Лесика пальцем к себе, — это мамыши ихние работать

заставляют, день же еще, только полуденник! А я это. Болел. Недавно. Ногу ломал.

Лесик стал забираться к нему и в процессе увидел, что нога под задравшейся штаниной у него крепко перемотана тряпьем, а под ним проложена какая-то палка.

— От сюда упал что ли?

— Та не, — Неждан отмахнулся и и протянул ему горсть семечек непонятного происхождения, — хотел висюльку с дома у соседей стырить. Там петушок такой забавный, Ваське бы понравился. Но оно че-то не пошло. Домовой у них сука злющий поди, вот и спутал ноги руки мне, чтоб не украл.

— Домовой? А он вправду есть? — сразу переспросил Лесик. Если б ему такое сказали пару седмиц назад, он бы наверное решил, что просто деревенщина опять ересь и бесовщину свою плетет, но теперь, когда ему уже было с чем сравнивать...

— Есть конечно... — Неждан посмотрел на него, как на блаженного и всем своим видом посерьезнел. — А у вас чего, не было что ли?

— Да как-то... Не знаю... Я с приюта вообще. Может в приютах не живут просто?

— Дак ты это, наш что ли? Обычный? — Неждан удивленно поднял брови, — а как ты в хозяйском доме то оказался, работаешь на него?

— Да случайно, говорю. Меня друг мой привел, а они с Радославом друзья, ну вот так и вышло... Сам то я не больше

твоего знатная особа.

Неждан сразу как-то повеселел, на лице расплзлась довольная улыбка с кривыми полу гнилыми зубами, а глазах заплясали озорные огоньки.

— А Расскажи про дочку евоную, а? Видел ж ее?

— А что про нее...

— Ну она какая, мы то не видим, только когда она по ночам на крышу вылазит, да сидит аукает. Расскажи, ну, с ней чего такое?

Лесик замялся, непонятно было, имеет ли он вообще право на распространение этой информации и не будет ли потом худо, если Радослав прознает, откуда слухи про его дочку ноги имеют.

— Нуу... Я особо то ничего не знаю, но мне друг сказал что она ну...

— М?

— Ну... Как сказать... Болеет чем-то вроде. Хворая она и головой и телом походу.

— Ой, — Неждан махнул рукой, — это мы тоже знаем и слышали. Только мамки говорят, что не больная она, а чужая просто. Душа у нее может и не человечья вовсе, если вообще есть.

— Нечистка?

Неждан пожал плечами и стал стряхивать налипшую шелуху с рубахи и коленей.

— Может и так. Может и нет. Вблизи на человека-то по-

хожа?

— Да вроде... Нормальная. Глаза нормальные, зубы тоже, только бледная до жути...

— Ну дак она ж света не видит ваще, — Неждан недовольно фыркнул, — по ночам только на луну воет как дура и все.

Лесик только кивнул в ответ. Под сенью ивы, в тепле, под шум озерных вод и шороха листвы, ужасно захотелось спать. Глаза склеивались сами по себе, а руки становились вялыми и едва ли уже держали его на коряге.

— Купаться пойдешь? У нас жара недавно стояла, вода как молоко с коровы! Хороша!

Лесьяр послушно стянул рубаху и штаны, кинул подальше на ветки, чтобы не унесло ветром куда-нибудь и не намочило. По-началу боязно и аккуратно ступал по камням, которые больно впивались в ступни и не давали с разбегу запрыгнуть в воду. А затем по привычке и зайдя до колен, нырнул вместе с головой.

Стало хорошо. Неждан и вправду не соврал, вода была теплая-теплая. У них на озере, к которому с полдня добираться надо было от приюта всегда такая была, оттого что оно маленькое было и грелось быстро.

Он зажмурился, выпустил из себя воздух и присел на дно. Захотелось остаться тут навсегда, в голове всплывали приятные воспоминания о доме. О маленькой Гане, плещущейся в лягушатнике, о Мале, который подкидывал его в воду со своих плеч и громко хохотал, когда Лесик плашмя уда-

рылся спиной, о милой Анисье, которая... Он ненароком вспомнил, как они ночевали на озере и он ненароком увидел как она, вместе с другими девчонками, купаются нагишом.

В паху сразу стало неуютно и горячо. Лесик разозлился на себя за похабные мысли и плоть, которые все еще не умел и не мог никак контролировать. В последнее время его вообще терзали боли ниже пояса, а каждое упоминание женщины в любом контексте вызывало невыносимую бурю эмоций.

Было не то чтобы противно, просто жуть как неудобно и неуместно. Не хотелось высунуться из воды и облагородить Неждана этим зрелищем. Нет уж. Ему еще бог знает сколько времени тут проводить, так что надо не срамиться с самого начала и держать себя в рамках нормальности.

Он высунул голову из воды и блаженно вздохнул чистый воздух. Провел руками по лицу, убирая с глаз и носа лишнюю влагу, а затем зачесал непослушные рыжие волосы назад. За время пути они успели неплохо так отрасти и теперь все время путались и сильно лезли в лицо.

Неждан уже успел уплыть вглубь озера и оттуда, из тесной воды, едва виднелась его белобрысая макушка. Лесик решил не рисковать и не проверять свои навыки в плаванье, поэтому вернулся ближе к берегу и сел так, чтобы вода закрывала его только по грудь. Тепло.

Вдалеке плавала стая уток, скоро они будут улетать на юг, в теплые края, оставляя за спиной сугробы по горло и жуткие морозы. Лесик умиротворенно вздохнул, представ-

ляя что где-то там, далеко, наверняка есть такие места где всегда жара и можно даже не думать о зимней одежке.

Размышляя о теплых краях и о том, как там может быть хорошо, он наконец-то смог привести себя в порядок и стал потихоньку выбираться из воды. Неждан уже тем временем успел сделать рывок обратно и был совсем неподалеку, а пока Лесик одевался, скрывшись в ветвях ивы, он и вовсе сошел на каменистый берег.

— В деревню теперь или...

— В деревню, а то мамка потеряет и отлупит, — Неждан усмехнулся и лукаво глянул на Лесика, — а тебя мамка лупила или ты... Ну...

— Не знал ее да... — Лесика как молнией ударило по голове, со всей этой беготней со Жмуром он и забыл, почему вообще пошел за ним следом. Он хотел узнать о себе, о том, как он связан с теми детьми и как Мирожит и вся его боголепная паства связана с этим. — Эм, слушай, а у вас тут... Эм... Церковь есть? Или вы эти...

— Ой, ты чего! Не язычники давно уже! Как хозяйские наши приняли веру, так и нас всех обязали.

— А почему вы тогда, в домовых верите? — Лесика смутился от того, на сколько странным ему сейчас показался Неждан с его двоеверием.

— Ну дак а как не верить то? Он же за домом следит, дела свои делает, ссоры в узде держит...

— То есть, вы их не видели?

Неждан пожал плечами и стал выходить из кустов, направляясь к потайному выходу с озера.

— Ну так чтоб аж прям видеть, это у меня такого не случилось. Но люди ж поговаривают, что видели, да и дела его делаются на самом деле, как же не верить в него?

— Но ведь по учению Мирожита... нельзя в такое верить и мракобесие это все, нет разве?

— А, — Неждан махнул рукой и повел Лесика обратно по лесным тропкам, — это ж не Мирожит сам сказал, верно? Это все людьми законы писаны. А люди не всегда правду говорят, только то, что им в угодую. То что мы веруем в Мирожита не значит, что мы чтим людьми придуманные правила.

— Но те, кто это писал, они же со слов Мирожита это делали... Нет разве? Они слышали его и писали его заветы.

Неждан вдруг остановился, резко обернулся и посмотрел на Лесика как на последнего блаженного.

— Ты дурак что ли, а? Вот тебе когда сам бог скажет, чего он хочет, тогда и делай. А все что люди говорят — это ересь ими и выдуманная. Если б он хотел, чтоб мы на домовых хер забили и не водились с ними, он бы так и сказал. Но пока что-то мне на ухо никто не шепчет.

Лесик впервые задумался о таком взгляде на мир. Почему-то до этого, пока он болтался со Жмуром, в его представлении вера могла делиться только на черное и белое. Ты либо в старых богов веришь, либо в нового, и никак иначе... А тут... Как-то все и сразу.

— Вот люди эти, запрещают нам обряды над полями проводить, девкам воду пахать на урожаи, мол, бесовство это все ихнее. А мы если так делать перестанем, то боги старые не помилуют и будет у нас голод и засуха. А если вот молитву Мирожитовскую на ночь не прочитает и знаменем не осениться, то ночница придется по сумеркам и удушит. Так что у нас и там, и там греет, — продолжал Неждан ломать Лесику голову и картину мироздания.

— Как-то это... неправильно что ли... Как так быть может...

Неждан в ответ лишь пожал плечами и снова принялся разгибать ветки кустов руками, высвобождая себе и Лесику проход.

К Церкви они дошли уже к вечеру, по пути все-таки пришлось заскочить в дом к Неждану, чтобы матушка его не переживала. Лесик до отвала наелся привычной пресной каши и похлебки, которая на вкус была точь в точь как в приюте, а потом Неждан уволок его к Церкви, под предлогом для матушки, что им помолиться сходить надо.

Идти пришлось тропой мимо леса, хоть и не так близко, как был к нему Лесик до этого, но странные грибы было отчетливо видно. Они вырисовывались набухшими каплями на стволах деревьев, будто стекая, как смола.

— Неждан а ты... Не знаешь, что это за грибы такие? — Лесик указал пальцем в сторону леса, но боязливо его отдернул почти сразу же, вдруг, хозяин леса его почует и обидится.

— Не знаю. Раньше не было, вот, под конец лета выросли. Мамка говорит, земля дурная стала, вот деревья и болеют. Сказала не трогать и не ходить, мол, леший дичает в последнее время и его это проделки. Ну я и не трогаю и не хожу, — он беззаботно пожал плечами, будто понятия «леший дичает» и «лес болеет» для него совершенно ничего не значили.

Лесик не ответил, только глянул искоса, через плечо, будто боясь, что леший их подслушивает и сейчас ринется прямиком из кустов по их души, а то почему зря кличут.

К Церкви дошли без сопутствующих сложностей, по пути к ним еще навязался Третьяк, которого родители выпроводили тоже помолиться и теперь хвостом шел за Лесиком, подозрительно оглядывая его с ног до головы.

Церковь стояла совсем на окраине деревни, одиноко, посреди поля некошенной травы она по-доброму оглядывала свои владения.

Она была небольшая, но добротная, видно, что ухаживали и рука хозяйская денег не пожалела. По стенам местами пробегали мелкие трещинки, видимо от дождей древесина рассохлась и дала слабину.

Лесик поднялся по ступеням, явно недавно выметенным и слегка покосившимися из-за неподходящей для постройки почвы, осенил себя знаменем и, слегка склонившись в поклоне, вошел внутрь.

Ощущение внутри было совершенно другое, нежели в Щебицах. Какое-то более родное, теплое что ли. Воздух

внутри был тягучий, тяжелый и пах дурманящими маслами и погружал в какую-то особую атмосферу тишины и умиротворения.

Звуки шагов прихожан, хоть и старающихся ходить как можно тише, все равно разносились шаркающим эхом под сводом и неприятно скользя по ушам.

Мирожит был здесь лишь на иконах, не так, чтобы целой статуе. По правую и левую руку от Лесика расположились и другие святые, к которым следовало бы обращаться в зависимости от ситуации, но сегодня Лесику хотелось поговорить именно с Мирожитом. Почему-то именно сейчас казалось, что он может его не только услышать, но и ответить. В Щебицах такого ощущения не возникло, там было больше похоже на то, что у Мирожита и так слишком много хлопот, чтобы еще и выслушивать жалобы и запросы каждого.

Лесьяр подошел к иконе, и, как учили в приюте, провел полукругом от левого плеча к сердцу, опуская руку под самые ребра до живота, а потом оттянул ее от себя, будто завязывая невидимый узелок и протягивая его самому Мирожиту, обозначая таким жестом принадлежность своей души.

Краем глазного увидел, что Неждан и Третьяк, которые остались чуть в стороне от него, проделали тоже самое и склонились в поклоне. Он отвернулся, чтобы не смущать их, прикрыл глаза и мысленно обратился к Богу.

Он просил помощи в своих поисках правды, попросил послать ему хоть немного удачи, чтобы он смог наткнуться на

нужную нить и понять, что же все таки происходит.

«Не буду врать, но вера моя пошатнулась и уже не так крепка, как раньше, и потому мне нужно твое праведное видение, нужно, чтобы ты ниспослал мне весточку оттуда и указал верный путь. Я совсем запутался и не знаю, что, истого что меня окружает есть добро и правда, а что зло и ложь», — он снова осенил себя и повторно протянул узелок от сердца Мирожиту, в этот раз будто закрепляя их мысленную договоренность.

Еще немного подождал, будто пропитываясь духом церкви и мысленно возвращаясь домой, насыщаясь спокойствием и терпением к грядущим сложностям жизни, а потом отошел на шаг, смиренно склонившись в поклоне.

— Идем? — шепнул ему на ухо Неждан, который вдруг оказался почему-то очень близко.

Лесик молча кивнул и они стали выбираться из Церкви. По дороге назад, Лесик еще несколько раз обернулся, будто бы ожидая, что что-то произойдет. Но Церковь была недвижима и время вокруг нее будто застыло. Было похоже, будто это не просто какое-то старое здание, построенное для обители нового Бога, а сердце и душа этой деревни, мирно оберегающее ее от всего недоброго и нечистого.

— Барский, спровадить тебя до усадьбы или сам найдешь-ся? А то затемно уже, мамка чтоб не беспокоилась, — спросил у него Неждан, остановившись на перекрестке, который разделял дороги до его дома и хозяйской усадьбы.

— Да не надо. Сам уж как-нибудь, не потеряюсь поди, — Лесик благодарно кивнул на прощание и стал уходить.

— Ты приходи, если чего, мне то все равно делать нечего пока нога не здоровая, — вслед ему крикнул Неждан и сам заковылял, только уже в другую сторону.

До усадьбы Лесик и вправду дошел сам, при этом не заплутав по дороге. Тихо зашел за калитку, которую не запирали видимо как раз таки для него и аккуратно зашел в дом. Было уже совсем темно, а по коридорам горела всего пара лучин.

— Нагулялся? — неожиданно спросил Клещ, взявшийся из ниоткуда в темноте, от чего Лесик вздрогнул.

— Д-да я... Где тут есть тут библиотека? Почитать хочу перед сном.

Клещ ковырялся прутиком в зубах, видимо на ужин было жесткое, волокнистое коровье мясо и выглядел так, будто и вовсе не услышал Лесика.

— Ну?

— А, да, есть, — он прищурился и как-то странно глянул на Лесьяра, при это продолжая ковыряться, — пошли, я с тобой схожу.

Лесику показалось, что в темноте повадки Клеща ему напоминают кошачьи, будто мордой он недовольно водит, как котом это делал, и если бы у него были усы и уши торчком, он бы обязательно ими нервно подергивал.

Библиотека, конечно, была несравнима с Княжеской. Ма-

ленькая, уютная, а полки такие, что до верхних уровней легко можно было бы достать рукой, не прибегая к помощи лестницы.

Клещ лучиной подпалил восковую скрученную свечу и протянул к Лесику, а сам уселся за стол и закинул ногу на ногу.

— Ты читать не будешь? Или чего пришел? — тут же не понял Лесик его повадок.

— Да я спросить у тебя хотел. Ты с Бесом ходил просто потому что, или цели у тебя какие-то свои были? Все таки приютский простолюдин, бродящий по миру с саблей наперевес — редкое зрелище. Я бы сказал очень.

Лесик задумался. Он не был уверен, что ему стоит рассказывать об увиденном в Щебицах и том, как именно он с этим связан. Все-таки хотелось разобраться в первую очередь самому, прежде чем порочить веру перед кем-угодно. Но самому у него слабо получалось, а Клещ, все же, ерсак так или иначе. И знаний у него больше, да и повидал всякого, да и к вере Мирожитовской он изначально плохо настроен, так что портить там уже нечего.

Лесик присел возле Клеща и аккуратно поставил свечу на стол, чтобы слабый колышущийся огонек не потух.

— Можно, я сначала спрошу, а потом отвечу? — поинтересовался он и Клещ безмолвно кивнул ему в ответ, — почему, когда мы оказались в Лесу, ты так сильно ругался, если не ошибаюсь, на Жмура, и что за долг у него перед тобой?

— Это все в общем-то связано, — Клещ наконец-то отстал от своих зубов и щелчком пальцев выкинул прутик на стол. — Он же принес клятву на крови, верно? Перед тем как вы оказались с нами рядом.

— Да... — прошептал Лесик и по спине пробежали мурашки от воспоминаний о произошедшем.

— И клятва эта заключалась в том, чтобы найти и убрать так называемый источник?

— Угу...

— Это хорошо. Это значит, я не ошибся. — Он устало вздохнул и зачесал волосы на затылок, — в моменте, когда круг начал нас всех перемещать, я бросил в Беса разрушителем клятв. Знаешь, что это такое?

Лесик только и мог что мотнуть головой в ответ.

— Это такая чешуйка, которая раньше принадлежала одному чудищу. Очень древнему, опасному чудищу, сейчас таких уже и не водится вовсе. Крылатый змей, хозяин небес, Аспидом зовется, — от его слов пламя свечи всколыхнулось и Лесику даже почудилось, что по комнате пробежала тень того самого змея, — его чешуйки по какой-то невероятной причине обладают свойством разрушать клятвы, но, к сожалению, зверь этот умер настолько давно, что по миру этих чешуек осталось раз-два и обчелся. Оттого можно сказать, то вещичка это бесценная. Понимаешь теперь, в чем долг и отчего я ругался так сильно?

— Вроде бы...

— В общем штука то эта и не моя была вовсе, и распоряжаться я ей права не имел. Она Княжеская. Синегорского. И теперь мне пути назад никак нет, ежели не найду ее, да и есть шансы что он посчитал меня изменником, и теперь его головорезы по всему миру шастают в поисках меня, довольно высоки. Вот так вот... получается... — Он покачал головой, будто отгоняя дурные мысли, — твой черед.

Лесик собрался с силами и набрал в легкие побольше воздуха, он не знал, совершает ли он сейчас ошибку и не знал, к чему это может привести.

— Когда мы были в Щебицах... Я пошел в церковь, как и должен был по изначальному плану, но... Все пошло как-то не так. Что-то случилось со мной и моим разумом, — Лесику стало душно оттого что он вспомнил то состояние и виски начали пульсировать от нарастающей боли. — Жмур сказал, что это было похоже на морок. Сам того не помню, но я как-то спустился в самый низ и нашел там спрятанное помещение где были... Эм... Сосуды, похожие на стеклянные, вроде, а там были... дети. Они были присоединены какими-то штуками, похожими на пуповину, которые уходили куда-то вверх... Они... Будто спали, знаешь? Не было похоже, что они мертвы. Сначала я испугался, а потом...

Лесик замолчал. Клещ видел, даже в слабом свете, как побледнело его лицо и судились зрачки со страху. Видел как нервно подрагивают его плечи от рваного дыхания.

— Потом что?

— Потом я вспомнил... Ну... Что я и сам оттуда, понимаешь? Будто видение перед глазами застыло, что я там — внутри. В этой странной жидкости... Я вспомнил, что я оттуда появился и до того момента никак не существовал... Ну или я просто не помню этого.

— Ты отправился дальше вместе со Жмуром, чтобы разузнать об этом?

— Да, но в процессе я как-то... отвлекся, что ли? И забыл, что и вообще мне надо. После этого и того, что я узнал о Еrsaках и... училище и о том, как все это было на самом деле, моя вера пошатнулась. Знаешь, я раньше даже позволить себе мысли дурной не мог, о вере, а теперь... — он устало вздохнул и закрыл лицо руками, пытаясь совладать с нахлынувшими эмоциями, — теперь все стало как-то сложно что ли... Нихера не понимаю, вот от слова совсем. Чувшь какая-то вокруг и ощущение, что я в тупике и бьюсь головой об стену.

Клещ многозначительно промычал, сложил руки на груди и уставился в одну точку, будто погрузившись в свои мысли. Лесик еще недолго посидел рядом, а потом поднялся и снова направился к полкам, чтобы искать хоть какую-нибудь правду.

— Ты тут ничего нужного не найдешь, — тут же остановил его Клещ. — Он хоть и знатный человек, но информацией такой не обладает.

Лесик понуро склонил голову и сгорбился, но все равно

пошел в сторону книг.

— Я подумаю... Как помочь тебе, но и ты окажешь мне услугу взамен, если я все-таки чем-нибудь поспособствую.

— Какую еще услугу? — Лесик недовольно поморщился, записываться в рабство или на пожизненное долговство ему явно не хотелось.

— Потом. Пока еще не о чем говорить. Я еще не знаю, чем смогу помочь и какую цену за это спросить.

Клещ поднялся со стула и тот устало скрипнул одновременно с коленями, все-таки возраст и условия жизни давали о себе знать. Потянулся, кряхтя, сложил руки за поясницу и хорошенько прохрустел всем позвоночником.

Стоило ему подойти к двери и коснуться деревянной резной ручки, едва приоткрыв ее, как холодный поток воздуха вихрем пронесся по библиотеке и потушил все свечи и лампы. Звонкий хохот раздался с той стороны и с каждым мгновением становился все громче, будто приближаясь.

— Твою мать! — ругнулся он и хлопнул дверью. — Дай стул, быстро!

Лесик, тренированный Жмуром в беспрекословном подчинении, быстро кинулся ко столу и передал Клещу стул. Тот быстро подпер дверь изнутри и сел на пол, прислонившись к ней спиной.

— Проверь, что все окна закрыты и занавесь их хорошенько, чтобы луна не светила внутрь. Давай, быстро!

— Что это? Что происходит? — Лесик стал проверять

створки и плотно закрывать их тканью.

— Это Богданка с ума сходит опять... Я совсем забыл сам, и тебя не предупредил. Вот жеж сука... После полуночи нужно запираяться в комнатах и не выходить. Убить он тебя, конечно, не сможет, вероятно, но вот заставить коснуться — запросто. А там пиши пропало.

— И-и и что теперь?

— Спать тут, что уж поделать. Если подхватить чего не хочешь. Устраивайся поудобнее где-нибудь под ковром, — он натянуто улыбнулся, было видно, что он чувствует себя виноватым в произошедшем, но извиняться не собирается.

— А чего она сама никого не трогает, раз ей надо так? — спросил Лесик, усаживаясь на пол напротив Клеща.

— Заколдованная, — пожал плечами Клещ и поднял повыше ворот рубахи, пряча в нем шею и подбородок, — не может она. Вот и пытается заставить. А зачем ей это... одним богам известно. У нее с головой вообще не все в порядке.

Лесику не понравилось, что все объяснение свернулось к колдовству и блаженности. Как-то глупо и неправдоподобно что ли...

Он дотянулся рукой до свечи на столе и протянул ее Клещу.

— Зажги, пожалуйста, ты же умеешь?

Клещ щелкнул пальцами и крохотная искорка, возникнув из ниоткуда, приземлилась прямо на фитиль. Лесик зажмурился и свободной рукой схватился за сердце, стало нестер-

пимо больно, как обычно бывает при его столкновении с колдовством.

— Ты чего? — Клещ прищурился, глядя на Лесика, — нормально?

— Да... обычное дело... пройдет... — прохрипел тот в ответ.

— Обычное говоришь?.. — Клещ как-то странно глянул на Лесика, но продолжать разговор не стал.

Глава III

Тундра пролежала на сотни верст и не заканчивалась даже там, куда глаза не видели. Пустынная, но одновременно величественная равнина, покрытая пушистыми мшистыми кочками всех форм и размеров и редкими кустарниками, будто подглядывающими за всем происходящим.

Агнеша вяло оглядывалась по сторонам и прятала руки в подмышки. Да, тут явно было теплее, чем в горах, но мерзла она всегда быстро при любых малейших похолоданиях.

Везнич смотрел на небо, которое причудливо рассекали перьевые полосы облаков и лучи света, походя на вспаханную землю. Оно было безмятежно, настолько недвижимо ветром или еще какими-либо силами, что казалось, будто время остановилось.

Он чувствовал себя хорошо, приятная утренняя прохлада трепала волосы и заставляла погружаться в мысли о будущем. Он искренне не понимал, почему Кань решила, что ему жизненно необходимо очищение у какого-то колдовского камня. Кошмары под утро у него закончились, а лихорадка сошла так же быстро, как и началась.

Обвинение в том, что от него воняет гнилью и смертью звучало просто возмутительно. Он еще раз наклонился носом к подмышке, отстегнув ворот кожуха и приняхался. Вранье. От него, конечно, пахло кислятиной в связи с тем

что он не мылся уже несколько дней и при этом потел как последняя шлюха, но это все равно не гниль и не смерть.

Везнич недовольно поморщился и заправил кожух под самое горло, чтобы на всякий случай не ухудшить свое состояние, если он все-таки чем-то болен.

Агнеша неожиданно взяла его под руку и прижалась боком, отчего Везнич резко выпал из мыслей и испуганно захлопал глазами.

— Ты чего?

— Замерзла как собака, — он поежилась и нахохлилась будто птичка. — А ты? Ты раньше любил холод.

— Зиму не люблю...

— Не зиму. Именно холод...

Везнич пожал плечами. Не то чтобы он помнил, что ему раньше нравилось, но приятная прохлада на лице и ощущение свежести ему явно было по нраву.

— А что еще я раньше любил?

Агнеша задумалась и сморщила свой веснушчатый нос, Везнич на мгновение даже забыл, о чем они говорили, засмотревшись на ее поцелованное солнцем лицо.

— Много чего. И плохого и хорошего. Плохого даже больше, наверное. Ты любил драться, любил доказывать всем вокруг какой ты сильный и смелый. Любил выпить и хорошенько подымить, да и... не только. Любил чистые простыни, любил когда... когда у меня теплые руки. Любил ясную, безоблачную погоду и звуки весны. Всегда радовался, когда воз-

вращались птицы. И... Эм... А! Ты любил танцевать! Ты всегда звал меня потанцевать на каких-нибудь застольях и пьянках.

— Я был тем еще весельчаком, похоже?

— Этого не отнять, — она мило улыбнулась, щуя глаза от яркого солнца, — еще больше ты был смутяном. Все время лишь бы что-нибудь где-нибудь учудить, чтобы все смеялись и смотрели на тебя. Ты любил внимание. Еще как...

Она как-то странно вздохнула, то ли мечтательно, то ли со всей тоской, которая только могла переполнять ее, и пожилаясь, сильнее прижимаясь к нему.

Везнич глянул на Кань, идущую впереди. Она периодически замирала, погружаясь в небытие и где-то высоко над головой кругом пролетала птица. Может ястреб, или сокол как-нибудь, с такого расстояния было не разобрать, а она ни разу к ним не приближалась. Лишь появлялась откуда-то из облаков, разрезая их крыльями, а затем исчезала снова.

Шли долго. Пару раз остановились, чтобы передохнуть, перекусить и выпить, а затем продолжали путь. Ноги, хоть и привыкшие к дорогам, все равно начали ныть от усталости к тому моменту, когда с реки подуло холодным ветром.

— Вода спокойная? — поинтересовался Везнич, которому предстояло в нее лезть.

— Должна быть. Если наводи никакой не было внезапной, — Кань едва заметно пожала плечами и украшения на ее одежде и длинных косматых волосах встрепнулись. —

Если же нет, то все равно пропустит. Почувствует, что помощь нужна.

Везнич почувствовал, как где-то внутри все сжалось в предчувствии ледяного купания и лежания на холодном камне.

— А мне не станет хуже? Вдруг я простыл просто?

— Нет. Ты не простыл. И вода там исцеляющая. А если станет и помрешь значит спасения тебе не было. Но не должно.

Боком Везнич почувствовал, как Агнеша беззвучно хихикнула и злобно посмотрел на нее сверху вниз, отчего та только еще больше развеселилась.

Подойдя к берегу реки они свернули направо и стали продвигаться вдоль нее, в поисках злосчастного камня. Тишина тундры изредка разрывалась далекими криками птиц и шумом волн, касающихся берега. Течение, хоть и было слабое, все равно не сильно радовало глаз и надежд особо не дарило.

— Ты ей точно доверяешь? — шепнул на ухо Агнеше Везнич.

— Больше чем себе, — так же тихо она ответила, — будет случай — расскажу тебе одну историю. Она хороший человек. Верь ей.

Агнеша заметила, как Везнич недовольно закатил глаза, но ничего не сказала. Ей самой не нравилось, что между ними постоянно возникает какое-то чувство недосказанности,

и он будто пробирается на ощупь во всем происходящем вокруг них, но сделать ничего не могла. Она пока не понимала, как ей стоит относиться к сложившейся ситуации и что стоит думать по этому поводу. Она и так слишком много пережила за последние пару седмиц и думать ей не хотелось от слова совсем.

Бок периодически начинало покалывать и шаги становились ужасно тяжелыми, но явно лучше, чем вчера. Кань предлагала ей остаться и отоспаться в чуме, говорила, что Везнича она могла бы и сама сопровождать, но Агнеша решительно отказалась. Она понимала, как ему может быть страшно и неуютно отдаляться от единственного, что он сейчас знает во всем этом мире — от нее, и не могла себе позволить такого.

Везнич еще издалека заприметил огромный валун, будто разрезающий реку на пополам. Вода врезалась в него со стороны течения и пенилась, брызгая во все стороны. Было в нем и вправду что-то такое... колдовское. Будто нездешнее совсем, совсем какое-то чужое. Огромный валун, обточенный многолетним соприкосновением волнами, был круглым и плоским, будто сделанным вручную.

Он не стал оповещать всех об увиденном, только глянул на Агнешу через плечо. Наверняка Кань, со своей птичьей высоты, уже давно заметила его, много раньше, чем они могли себе вообразить.

Рыжая отпустила его руку и остановилась, тяжело вздох-

нув. Везнич подумал, что она просто устала идти в таком положении и продолжил путь, но через пару шагов понял, что та не идет и тоже остановился.

— Ты чего?

— Ничего. Просто дальше не пойду. Не место мне там,

— Агнеша скинула с плеч мешок на землю и уперла руки в бока, разминая спину.

— Как не место?.. А как я...

— Ну вот там что будет твориться? Правильно, колдовство. Причем еще какое. А мне, как ты знаешь...

— К колдовству путь заказан... Понятно. — Он нахмурился, было видно, что немного огорчен таким раскладом событий, но понимает, что так должно быть.

— Не ссы. Я тут посижу тихонько, потом подойду, как закончите, — она положила руку ему плечо и ласково погладила, одновременно заглядывая в глаза и пытаясь убедить его сохранять спокойствие.

Кань все это время продолжала идти вперед, даже не обернулась, чтобы дожждаться Везнича. Ему пришлось ненадолго перейти на легкий бег, чтобы нагнать ее. Было удивительно, как она на своих крохотных ножках может так быстро передвигаться. Тоже, поди, колдовство какое-то. Не иначе.

Он оглянулся, посмотреть на Агнешу, которая тем временем уже расстелила свернутую шкуру и присела на нее как бы полулежа. Прищурила глаза, глядя на утреннее слепяще-белое солнце и расслабленно улыбнулась, подставляя

свои веснушки и аккуратные яблочки щек под его теплые лучи.

Он повернулся обратно к Кани, и, перехватив руки под ремнем мешка перешел на быстрый шаг, чтобы добраться до девушки, которая умотала уже прилично. Смешная она была какая-то. Вся такая серьезная, костями увешанная, перьями, знаками какими-то, а ростом и лицом тот еще ребенок. В сознании это все как-то слабо связывалось воедино.

Нагнав ее, он замедлился и пошел вровень, иногда невзначай поглядывая то на нее, то на камень, который был уже не так далеко. Странно все было. А что делать то надо в итоге? Доплыть и коснуться? И потом еще несколько раз для закрепления или чего? Никаких конкретных инструкций так и не было озвучено, да и в ледяную воду, в общем-то, лезть не хотелось. Особенно по несколько раз.

Остановились они прям напротив него, Кань некоторое время наблюдала за тем, как волны облизывают круглые каменные бока, а потом снова застыла в своем блаженном состоянии. Где-то над головами раздался птичий крик, но саму хозяйку голоса Везнич так и не смог разглядеть.

— Что делаем?

Кань мотнула головой, будто пробуждаясь ото сна иглянула на него своими разноцветными глазами:

— Ты раздевайся. А я буду воду заговаривать. Дам отмашку — поплывешь.

— А потом? — он поморщился при словах «раздевайся»

и «поплывешь» уже вблизи с водой чувствовалось, как от реки отдает холодом и крохотные капельки осколками льда врезаются в кожу.

— А потом на камень залезешь. Только не утопись в процессе, если поймешь, что не получается — лучше обратно. Потом еще попробуем, лишь бы не сдох, — она безразлично пожала плечами и стала стаскивать с плеч сложенную шкуру.

Кань расстелила ее так, же, как это сделала Агнеша и усе-лась на колени, стараясь подобраться к берегу как можно ближе. Вытянула вперед ладони, почти прислоняя их к воде и начала нашептывать. Говор был явно незнакомый для Вез-нича, оттого он даже не стал пытаться понять, что она гово-рит и просто послушно стал расстегивать кожух.

Холодно. Ветер сразу забрался под ребра и по спине, по-яснице и вдоль рук побежали мурашки. В моменте захоте-лось отказаться и бросить все на пол пути, до того мерзко по ощущениям было происходящее, что остаться проклятым и сгнить заживо, ощущалось куда приятнее. Но нельзя. Агне-ша сказала что надо, значит надо.

Он скинул рубаху и следом за ней порты, оставшись в од-ном исподнем. Сунул руки в подмышки и нахохлился, буд-то птичка, топчась на своем кожухе, стараясь унять дрожь в ногах. Скоро у него уже перестал зуб на зуб попадать, до то-го продрог, а Кань все никак не подавала знак, без остано-вки заговаривая воду, которая, будто, стала легонько мерцать. Или ему просто померещилось, оттого что мозги смерзлись

в одну глыбу, но выглядело это все крайне правдоподобно.

— Давай, — резко обернулась на него Кань и Везнич, с испугу, даже не сразу понял что «давать» ему нужно, — ныряй говорю!

Он тут же опомнился и стал заходить в воду, стараясь не отвечать на мольбы организма о том, чтобы покинуть это мученическое место. Зайдя чуть выше колена, он собрал руки вместе и рыбкой нырнул в ледяную гладь, разом заставляя все свое существо скрючиться от холода.

Вынырнув, отплевался, и стал размашисто загребать руками, стараясь как можно быстрее достичь цели.

— Аккуратнее там! — крикнула ему в спину Кань, но голос ее проглотил шум пенящейся воды и забившиеся уши.

Везнич стиснул зубы. Привыкание все никак не наступало, было ужасно мерзко и невыносимо, а какого-то колдовского облегчения все никак не наступало. Он все никак не мог понять, в чем вообще был смысл заговаривать воду и идти купаться именно в этой реке, если никакого осязательного эффекта, кроме судороги в ноге, это не дало.

Камня он достиг незаметно. Случайно шлепнулся рукой о его гладкий бок и повезло, что там не было никаких зазубрин, а то точно рассек бы. Ногами нащупал что-то вроде уступа под водой, а руками уперся в скользкую поверхность. Пришлось заставить негнущиеся руки работать на пределе возможностей, до того неустойчивая поза получилась. Он напрягся всем телом, вытащил себя наполовину из воды и

брюхом повалился на ледяную поверхность. Стал потихоньку вытаскивать ноги, расползаясь по камню как лягушка, расщеперивая свои конечности во все стороны и прилагая всевозможные усилия.

Не сразу обратил внимание, только уже когда смог добраться до вершины и обессилено развалиться как рыба, выброшенная на берег, почувствовал, что камень будто гудит. Так мелко-мелко, будто даже и нагревается немного, вытаскивая из тела забравшийся уже внутрь костей и под корку черепа холод.

Глубоко вздохнул, стараясь привести сбившееся дыхание в порядок и прикрыл глаза, мысленно отстраняясь от произошедшего и уверяя себя в том, что камень и вправду греет. Мышцы еще пару раз неприятно свело, из-за чего пришлось растопыривать пальцы и задрать стопу как кошка, чтобы прогнать судорогу, но в остальном было нормально.

Агнешу тем временем совсем разморило. Недвижимая, окутанная лучами солнца, она наконец-то пригrelась и смогла почувствовать себя человеком. Она пару раз поглядывала в сторону камня, и того, что там происходит, чтобы удостовериться, что все идет по плану. Но они так долго шли до него, что ее уже стало клонить в сон, когда где-то высоко над головой раздался птичий окрик, резко вырвавший ее из задремавшего состояния.

Глаза стали слезиться из-за резкого взгляда на белое небо и сияющее огнем солнце. Агнеша устало потеряла переноси-

цу и стала до скрипа растирать зенки, стараясь убрать надоедливую пелену. Получилось не очень, она стряхнула с лица отковыранные заспанки и стала медленно оглядываться по сторонам.

Отдаленно, будто через ткань, увидела очертания Кани на берегу и вроде как даже тушу Везнича на камне, и со спокойной душой отвернулась. Нечего ей туда смотреть, еще испортит что-нибудь своей неправильной колдовской натурой.

Стала разминать шею, потирая отекий затылок рукой и тихонько поскрипывая уставшими костями. Впереди откуда-то появился туман, которого точно раньше не было. Пустошь тайги до этого проглядывалась на сотню верст, а сейчас едва ли на пятерку.

В целом, со здешней природой Агнеша была не особо знакома, а тут еще и такое сильное колдовское вмешательство, так что присутствие тумана ее не очень-то и смутило. Она козырьком приложила руку к лицу и стала вглядываться вперед, надеясь, что вместе с загадочным явлением не притащило какой-нибудь нечисти. Воздух был недвижим и очертаний кого-либо тоже не было видно, разве что было какое-то непонятное пятно совсем неподалеку, но то скорее был куст или пень какой-нибудь, чем живность.

Агнеша поняла, что она ошибалась, совсем не сразу. Пятно медленно, но уверенно стало шириться и приобретать уже более понятные очертания. Волк, обычный волк, какие нередко водятся в тундре. С его белоснежной шкурой, по-

крытой серым пыльным налетом.

Она поднялась со своего лежища и пересела на корточ-ки, рукой пошерудила вокруг себя и подобрала камень, на-мереваясь кинуть им в скотину, чтобы та либо провалива-ла прочь, либо обратила внимание на нее, не смея прибли-зиться к Кани и Везничу. Стоило ей только замахнуться и прищуриться, целясь как можно точнее, как на глаза снова вылезла какая-то непонятная пленка и зрение потеряло при-годность.

Агнеша устало вздохнула и снова стала тереть глаза, да-же облизнула палец и провела им по белку, стараясь убрать мешающий объект. Когда она наконец разобралась с пробле-мой и снова посмотрела в ту сторону, где был волк, его очер-тания опять размылись, поглощаемые туманом.

Стоило только ей подумать, что опасность миновала и зверь ушел, как он снова стал прорисовываться, только в этот раз гораздо четче и... чернее?

Он точно не был черным в тот раз. Или был, просто глаза и туман подвели. Но Агнеша могла поклясться, что он был белым и рассудок ее не помутился ни на каплю.

Она осторожно привстала на ноги и стала медленно красться в его сторону. Надо было понять, может это все та-ки стая, а не один заблудший меняющий цвет и морочащий голову зверь. Но как только она сделала несколько шагов на-встречу, она тут же исступленно замерла и глаза ее расши-рились до таких размеров, какими, казалось, быть не могли.

— Сизая... — прошептала Агнеша, едва сумев вдохнуть.

То ли ей мерещилось, то ли животное было до того похоже на старую подругу, как две капли воды. Но у него была точно такая же черная шкура, причудливо изогнутый петелькой хвост, немного отклоняющийся в левую сторону и глаза... Обведенные кругом, будто смотрели прямо на нее и не было в них какой-то злости или неузнаваемости. В глазах было столько любви и понимания, как в тот самый миг, когда Агнеша рассталась с ней, что нельзя была сомневаться, что это какая-то другая собака.

— Сизая! Эй, Сизая! Иди сюда! Иди ко мне, маленькая, давай-давай! — тут же закричала Агнеша, и, потеряв всю бдительность и остатки разумности, побежала навстречу собаке.

По-началу даже показалось, или не показалось, или может все таки померещилось, но так хотелось верить что Сизая... по своему обычаю глупо наклонила голову набок и будто бы улыбнулась глазами. Вильнула хвостом, игриво припала к земле, собираясь как обычно кидаться из стороны в сторону, радуясь встрече с хозяйкой, но вместо этого... Она раззявила свою огромную собачью пасть и кинулась прямо на Агнешу, окровавленными клыками целясь ей в в глотку.

Агнеша едва успела ошарашено выпучить глаза и со всего маху вдарить кулаком по морде, но костяшки не почувствовали соприкосновения с плотью, и собака тут же оказалась внизу где-то под левым локтем.

Снова кинулась, гортанно рыча и заливая Агнешу кровью, хлещущей прям из глотки. Рыжая только и успела что отскокить, даже почудилось, что зверь лязгнул зубами по локтю, но чувства боли не возникло. Только страх.

Агнеша испуганно повалилась на спину, запутавшись в своих ногах и закрыла лицо рукой, второй стараясь выхватить меч из ножен. Потные ладони как на зло не хотели слушаться и скользили по кожистой рукояти. Казалось еще чуть-чуть и собачья пасть звякнет прямо по запястью, с хрустом перемалывая кости своей чудовищной силой.

Черная тень мелькнула, Агнеша наконец-то выхватила меч и на авось махнула им перед собой и... ничего не произошло. Лишь легкое дуновение ветра коснулось щек и отдало каким-то неприятным смрадом в носу. Морок. Или не морок. Шутки разума да и только.

Она облегченно вздохнула и обессилено уронила руку, все еще не выпуская меча. В горле стало как-то горько и глаза защипались. Нет ее больше. Вообще никого нет. И не будет. Нужно отпустить.

Агнеша приподнялась на локтях, оглядываясь вокруг. Ничего. Все так же заволочено какой-то белой пеленой, так что в двух шагах не разглядеть. Нужно было вернуться к реке, хотя бы по звуку, а оттуда можно и добрести до Везнича с Канью.

Она поднялась на ноги, отряхнулась и сунула меч обратно в ножны. Нечего попусту оружием размахивать, плохая

примета.

На полусогнутых ногах, едва ли собравшись с силами, она побрела туда, где, по ее мнению, находилась река. Звук был едва различим, будто бы она находилась очень далеко или уши заложило, а может и вовсе течение ни с того ни с сего схуднуло, но вслушиваться, напрягая уши до того сильно, что аж в глазах полопались сосуды приходилось. А иначе никак. Не видно же ни зги.

Оказавшись поблизости кромки воды, Агнеша припала руками к земле и стала шарить ими по кругу. Холодные негнущиеся пальцы неприятно цеплялись за влажную гальку и острые камешки. Ладони быстро начали саднить, поэтому пришлось в более быстром варианте ползать на коленях в поисках речного течения. Но его как след простыл.

Берег был явно мокрый, не так, как от снега, а от набрызгавшей воды, создавшей налет из инея.

Стоило ей только задуматься о том, что ее восприятие опять играет в игры и все вокруг как-то слишком странно, она вдруг наткнулась ладонями на ледяную кромку и кожа с пальцев тут же прилипла к ней.

Недовольно ворча, Агнеша с усилием отдернула руки и принялась раздвигать снежную насыпь, пытаясь разобраться, выползла ли она к очередной луже или река вдруг покрылась коркой каким-то чудесным образом вследствие колдовских вмешательств выше по течению.

Осознание пришло не сразу. Сразу стало тошно и в глазах

начало темнеть, еще до того, как Агнеша успела понять что произошло. Руки и ноги в момент будто стали безвольными, обмякшими, как размоченный хлеб, а по лицу прокатились сотни, а то и тысячи иголочек, выкачивая из него еще оставшуюся кровь.

Агнеша шумно выдохнула, выпуская пар клубами изо рта, будто невзначай пытаясь отогреть то, что она увидела перед собой.

Рука неловко подогнулась, будто ломаясь изнутри и она рывком нырнула лицом ко льду, оказавшись с «тем самым» буквально в ширине пальца.

— Вук... — едва слышно прошептала она, не отдавая отчета своим действиям и своей разумности. Застекленелыми глазами он смотрел на нее прямо из-под льда, беззвучно открывая рот в немом крике.

Лицо его раздулось, будто утоп он уже с пару седмиц как, посинело, поры расширились и превратились в маленькие колодцы, расползающиеся от самого носа до ушей. Волосы мокрой, безжизненной тряпкой елозили по лицу, залезая в пустые глазницы, заползая под веки и путаясь в ресницах.

Агнеше едва хватило силы воли, чтобы со всей силы вдарить камнем по льду и отпрянуть, будто обрубив невидимую нить, приковавшую ее к морозной глади.

Испуганно скребя ногами по камням, сдирая кожу ладоней до крови, она все продолжала пятиться назад, пытаясь убежать от поглотившего ее морока.

Разум звенел от страха и невозможности логически объяснить происходящее. Этого просто не могло быть. Не должно. Она не могла не заметить присутствие такой сильной твари, которая могла бы сколдовать такую дрянь.

Агнеша судорожно схватилась за грудь, желая найти объяснение хоть где-то в своем чутье, но оно молчало. Привычной тяжести и духоты, которая вечно преследовала ее в присутствии колдовства, не было. Дыхание сперло. Стало одновременно так мерзко и страшно от своей беспомощности, будто бы отнялись все ее силы разом.

Резкая колющая боль пронзила руку, которой она продолжала шарить по земле, пытаясь сбежать. Агнеша испуганно подняла ладонь к лицу, надеясь не увидеть там во всю хлещущую кровью рваную рану или отгрызенный палец. Ничего. Просто ноготь обломался и теперь был похож на чьи-то выпотрошенные внутренности. Не страшно.

— Агнеша! — какой-то знакомый голос вырвал ее из череды переживаний и заставил оглянуться на звук, — Агнеша! Эй!

Она дернулась, будто раненая косуля, и резко подскочила на ноги. Не раздумывая побежала следом за звуком, уповая на то, что это не очередные игры разума.

— Везнич! Везнич! — кричала она в пустоту, срывая голос. Горло ужасно саднило, а легкие жгло из-за холодного воздуха, рывками проникающим внутрь. — Я здесь! Везнич!

Она ударилась носом о его подбородок и жесткие мужиц-

кие руки с силой прижали к все еще голой груди. Стало как-то холодно и тепло одновременно. Кожа его все еще была покрыта мелкими каплями воды и оттого по ней всюду бежали мурашки. Холодно. Но внутри он чувствовался живым, настоящим. Он по-настоящему обнимал ее, прижимая своими лапами к мокрой груди, и по-настоящему касался губами ее лба. Тепло.

— Ну-ну, ты чего? — Он медленно водил ладонью по ее спине и все никак не хотел отпускать, прижимая только крепче. — Распереживалась так или чего? Из-за меня что ли?

Агнеша в исступлении выпучила глаза на него, не понимая, как это из-за него. Она вдруг краем глаза заметила, что за пределами его объятия тумана как и не было. Непогода рассосалась сама-собой, будто бы ветер какой сильный прошелся.

— Тебя?.. А как-же... а волки... а Сизая... была же тут! Пойдем! Может там осталось, пойдем!

Жмур недовольно свел брови и между ними появилась старческая ложбинка.

— Не было никаких волков. Вообще ничего не было. Ты просто бегала по-кругу, как больная, орала что-то, руками махала, пока Кань тебя не заметила и не послала меня...

Агнеша едва сдерживала выступившие на глаза слезы. Она понимала, что это с ней играют ее же тараканы в голове, и от того становилось лишь большее.

— Прости, — едва слышно шепнула она в ответ, остра-
нясь от его груди и утирая рукавами глаза. — Почудилось
просто... Устала, наверное...

Везнич, будто зверек, наклонил голову, сомневаясь в ее
словах и тыльной стороной ладони коснулся лба.

— Поспать бы тебе подольше. Покушать. А то лихорад-
куймаешь еще. Не хватало нам на пару седмиц тебя по-
терять.

Рыжая небрежно отмахнулась и выпуталась из его второй
руки, которой он все еще придерживал ее за талию.

— И хуже бывало. Пройдет. Где Кань-то? — она глянула
через его плечо, пытаясь найти глазами шаманку.

Везнич недовольно пожал плечами и тоже обернулся. Ка-
ни будто и след простыл, и не было ее на том месте, где была.

— Может тоже поплавать пошла? Не знаю. Пошли обрат-
но, найдет нас.

— А вы чего там? Доделали? Вылечили тебя, или чего?
— Агнеша пыталась максимально отвести от себя и своего
временного помешательства тему разговора.

— Куда там, — Везнич махнул рукой куда-то в сторону, а
затем нахохлился, будто птичка. Кожа покрылась мурашка-
ми вдоль и поперек, а зубы перестали сходиться, мелко подра-
гивая. — Нихера не произошло. Сказала шаманить придет-
ся, говорит, понять не может какого рода зараза, но чувствует, что
сидит внутри. Говорит не выдюжу я долго, если проснется.

Он заметил, как Рыжая скорчила кислую мину, но гово-

рительничего не стала. Сам понимал. У них тут всех счет на дни идет, дай боги если на седмицы.

Кань они заметили не сразу. Крохотная девушка лежала на земле, прикрывшись шкурами так, что ее едва ли можно было разглядеть с пяти шагов. Пятнышки тщательно маскировали ее среди камней, а сама она лежала на столько недвижимо, что, казалось, даже не дышала.

— Эй? — Агнеша присела на корточки и неловко ткнула Кань пальцем в плечо.

По-началу ничего не происходило, лицо ее было недвижимо, будто умерла, но спустя мгновение где-то вдалеке раздался птичий вопль. Птица камнем разрезала воздух, почти что ударилась о поверхность воды, оставляя на ней разводы и рябь, а затем, резко раскинув крылья, снова взмыла ввысь, уносясь куда-то за облака.

— Нормальная вода, — тут же очнулась Кань и без лишнего вздоха начала говорить. — Чистая, колдовская, меня не пустила. А чего с ним такое... — Она неуверенно прищурилась, оглядывая Везнича с ног до головы, — не знаю. Чушь какая-то. Нутро мое чует душнину лишнюю, а нет. Не дается отчего-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.